

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

Б.Х. Бгажноков

ОТРИЦАНИЕ ЗЛА

в адыгских тостах

Нальчик
2010

УДК – 82-561 (= 352. 3)
ББК – 82. 3 (2 Рос=Ады)
Б – 34

*Работа выполнена в рамках Программы
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»
по разделу 6. «Историко-культурное наследие в языках, литературах
и фольклоре народов России». Проект «Благопожелания, молитвы и тосты
в речевой культуре адыгских народов»*

Б 34 Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. – 118 с.

ISBN 978-5-91766-027-1

Книга посвящена комплексному анализу жанровых особенностей адыгских тостов. Показано, что в своей классической форме тост состоит из позитивных пожеланий здравицы и негативных пожеланий брани, что инвектива зависти и зла в адыгских тостах имеет самостоятельное художественное, этико-эстетическое значение и бытие, выходящее за рамки застольных правил и церемоний. В целом, настоящее издание может рассматриваться как опыт структурно-функционального и историко-культурного исследования адыгских тостов.

© КБИГИ, 2010
© Б.Х. Бгажноков, 2010
© Б.Х. Бгажноков, оформление, 2010
© Издательский отдел КБИГИ, 2010

ВВЕДЕНИЕ

1. Единство серьезного и смешного в адыгских тостах

В адыгской культурной традиции сохраняется представление о ценности тоста как ключевого звена праздничного застолья. Напоминая об этом и подчеркивая, что пиры должны открываться тостом и иметь аналогичную, столь же выразительную, четкую концовку, обычно говорят: «Застолье начинается с тоста и тостом заканчивается» (*Іэнэм и пэри и кІэри хъу-эхъуи*). Значение этого правила трудно переоценить. Тосты считаются делом исключительно важным – богоугодным. На это неоднократно указывали бытописатели Черкесии. Еще в конце XV в. Дж. Интериано, описывая быт и культуру адыгов, писал: «Они выпивают постоянно, и во славу Божию, и во имя святых, и во здравие родителей, и в честь умерших друзей, и в память каких-либо важных и замечательных подвигов, и пьют с большою торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие»¹.

Несомненно, широкое распространение коллективных трапез и пиров было традицией, унаследованной от родового общества, в котором общие столы были естественным продолжением совместного добывания пищи. Но дело не только в этом. Сложные правила совместного потребления пищи и хмельных напитков восходят во многих своих деталях к обрядам жертвоприношения и богослужения. Так же, как и молитвы, тосты обращены к высшим силам, приобщают к групповым интересам и запросам религиозного сообщества, скрепляют узы дружбы, вселяют уверенность в будущем, в успех общего дела.

Благодаря ярко выраженной этической направленности важной составной частью адыгских тостов стало обличение зла. Этому посвящаются дополняющие здравицу насмешливо-сатирические, едкие пожелания-проклятия, адресованные врагам, недоброжелателям, завистникам, тем, кому не по душе добрые пожелания здравицы. Из пожеланий-проклятий выстраивается большая, сопоставимая иногда с объемом здравицы и произносимая сразу после нее инвектива под говорящим за себя назва-

нием *хъуэн* – «брань», «ругань», «порицание». Человек взывает к языческому Богу Тха, к мусульманскому Аллаху, к другим сакральным покровителям с просьбой сделать противника здравицы уродливым, жалким, бессильным, смешным. Предрекает неудачи в делах, грязь и беспорядок в доме, сварливость жены, невоспитанность детей, отсутствие признания и авторитета в глазах народа и т. д.

Возникает, таким образом, бинарная композиция *хъуэхъу* + *хъуэн*, «здравица + инвектива зависти», как наиболее полное выражение желаемого будущего, в котором добро, или благо, защищаясь, побеждает зависть и зло. М.И. Мижаев, З.М. Налоев и другие исследователи адыгского фольклора считают такое соединение текстов наиболее яркой, изысканной формой тостового послания. Присоединяясь к их мнению, М.А. Табишев называет дополняющие здравицу негативные пожелания поэтическими проклятиями, тем самым акцентируя внимание на их художественной ценности². Действительно, так же, как и тосты, ритуальные проклятия оформлены как стихи – с использованием подхватной рифмы, эпанастрофы, синтаксического параллелизма, всего арсенала других средств и приемов организации поэтического произведения. И также обращены к Богам в надежде на их поддержку в борьбе и в полемике с противником.

Пафос этой полемики разделяет мир застольных проклятий на сакральный и профанный. Демонизируя, «возвышая» зло в начале послания и затем снижая его до уровня жалкого, смешного и обыденного, автор застольных проклятий создает поэтический образ поверженного завистника и врага, образ победы добра над злом.

Единство здравицы и брани конституирует важные свойства архитектурной формы адыгских тостов. Они являются произведениями, в которых органически соединяются позитивные пожелания здравицы и ритуальные, комического свойства проклятия в адрес воображаемых, предполагаемых противников здравицы. Выдвигается идея, согласно которой достижение блага и утверждение добра нуждается в отрицании, ниспровержении зла с использованием самого действенного и сильного оружия, каким является смех. Главная задача ритуальных проклятий – создать собирательный образ человека, олицетворяющего темные силы, и одновременно высмеять, заклеить, обезвредить его, чтобы показать, в конце концов, всю неприглядность и бесперспективность зависти и зла. Это позволяет «расцветить смехом» серьезное занятие, каким является на самом деле сам ритуал провозглашения тоста. Но здесь речь идет не столько о механическом соединении здравицы и брани, сколько о внутреннем единстве серьезного и смешного в самом жанре застольных проклятий, когда серьезное (обличение зависти и зла) подается в комической упаковке.

Пафос застольных проклятий открывает широкое поле для творческой фантазии народа, для комического, карикатурного изображения

противников блага. К этому предрасполагает сама обстановка и атмосфера праздничного пира с характерным и рекомендованным для него сочетанием серьезного и смешного ³. Ритуальная брань становится частью застольного общения и смеха.

2. Многозначность и необходимость факторного анализа застольных проклятий

Многозначно само слово «проклятие». Правда, в качестве фольклорного жанра проклятия имеют как будто бы вполне однозначное толкование: «устойчивые словесные формулы-пожелания несчастий и наказаний человеку, животному, растению, предметам» ⁴. Но это только видимость однозначности. В нашем случае к основному содержанию проклятий присоединяется множественность смыслов, обусловленная контекстом и этосом застольной брани. Это и жесткая логическая связь проклятий с позитивными пожеланиями здравицы, и условность объекта инвективы (мифический злодей, завистник, дьявол), и возникающая на этой почве имитация враждебности и негодования. Дополнительные этико-эстетические коннотации привносит шуточный зрелищно-игровой характер этой враждебности, ориентация инвективы на то, чтобы вызвать у публики смех.

Все это придает застольным проклятиям характер многозначной, многослойной поэзии. Насмешливо-бранные пожелания, прикрепленные к позитивным пожеланиям здравицы, можно с полным основанием считать не только поэтическими, но и философскими, магическими, сатирическими, комическими, празднично-игровыми, а также тостовыми, застольными. И это понятно. Инвектива зависти и зла жестко связана с застольем и тостом, являясь при этом оберегом для позитивных пожеланий здравицы, ярким проявлением апотропеической магии. С другой стороны, сама оптативная форма застольных проклятий обуславливает сложность и переливчатость ее смыслов. «Если в содержательном плане проклятия смыкаются с угрозами и бранью, то по форме они практически ничем не отличаются от благопожеланий», – пишет Л.Н. Виноградова ⁵.

Впрочем, проклятия в составе адыгских тостов можно называть проклятиями лишь условно, имея в виду первичное денотативное значение инвективы. Аура застольных проклятий светлая, жизнеутверждающая. На самом деле это не вполне обычная, то есть не агрессивная, не аффективная, а веселая, празднично-игровая брань, своего рода имитация негодования по поводу возможных, предполагаемых попыток порчи или сглаза здравицы. Ведь в торжественной обстановке застолья о санкционировании брани в прямом смысле слова не могло быть и речи.

Многозначность застольной брани отражена в названиях этого речевого жанра. К проклятиям в составе тостов применяется, по крайней

мере, три термина, очень важных в семантическом отношении. Первый из них был уже назван. Это термин *хъуэн* – «брань». Он указывает на близость инвективы к ритуальным ругательствам и отображает шутивно-враждебный характер реакции на предполагаемое «зломыслие», «злоречение» завистников. Второй термин – *хъуэхъу гыбзэ* – буквально означает «тостовые, застольные проклятия» и тем самым прочно связывает этот речевой жанр с тостом, с застольным общением. Наконец, третий термин *нэ темыгъахуэ хъуэхъу* – «оберегающие от сглаза хохи». Такое наименование указывает на магическую функцию застольных проклятий ⁶.

Но даже эти термины не охватывают всех смыслов и значений, заключенных в данном фольклорном жанре. Поэтому в ходе анализа застольных проклятий приходится называть их в зависимости от контекста поэтическими, сатирическими, комическими, этическими, празднично-игровыми и т. д. Этим обусловлена необходимость факторного анализа застольных проклятий, когда задачи исследования требуют акцентировать внимание то на одних, то на других аспектах (факторах) текста.

Подводя итог рассуждениям относительно сложности и многослойности застольных проклятий, необходимо отметить следующее: отрицание зависти и зла в адыгских тостах имеет самостоятельное художественное, этико-эстетическое значение и бытие, выходящее за рамки застольных правил и церемоний. Признавая тот факт, что вне связи с тостом и с ситуацией застолья проклятия-обереги не функционируют, важно помнить, что, тем не менее, они живут своей жизнью, не зависящей от условий и обстоятельств, в которых сформировались и произносились. И при этом, как и всякие другие поэтические произведения, обладают множеством самых разнообразных смыслов ⁷.

Акцент на этом сделан во всех главах книги, но особенно в последних трех, посвященных художественно-магическому, этическому и эстетическому дискурсу застольной брани.

3. Проблема комплексного исследования адыгских тостов

Жанр тостовых посланий занимает важное место в устном народном творчестве адыгов. Это хорошо понимали такие выдающиеся фольклористы, как А.Т. Шортанов, А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев, З.М. Налоев, М.И. Мижаев. Длительное время они с целой группой других собирателей адыгского фольклора записывали и приводили в порядок тексты, относящиеся к данному слою речевой культуры. В настоящее время этот богатейший фонд хранится в Архиве и фонотеке КБИГИ. Большой материал содержится также в архивах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований и Карачаево-Черкесского научно-иссле-

тельского института. Но опубликована лишь малая часть этого громадного наследия. В первый том «Адыгского фольклора» издания 1963 года З.П. Кардангушев включил пять тостов, и два из них сопровождаются проклятиями⁸. В 1985 г. был опубликован составленный З.П. Кардангушевым сборник избранных кабардинских тостов с содержательным предисловием З.М. Налоева⁹, но, правда, без застольных проклятий.

К числу первых наиболее обстоятельных исследований адыгских хохов следует отнести известную монографию М.И. Мижаева «Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов»¹⁰. Большое место в книге занимает анализ так называемых аграрных и свадебных хохов. Впервые в научной литературе был выделен жанр дополняющих здравицу ритуальных проклятий с краткой характеристикой их специфики.

Отдельную статью посвятил анализу тостов З.М. Налоев, уделив особое внимание генезису и структуре (композиции) традиционных здравиц-хохов. В частности, отмечается, что в основу здравиц легла магическая речь, которую ценили как волшебство, как эффективный способ влиять на ход событий. Религия привнесла в эту речь просьбы, обращенные к Богам, и уже затем на этой почве развились лишенные значительной доли своего сакрального смысла светские здравицы. Таким образом, была предпринята попытка выделить тосты из общего массива хохов. Обращаясь к архитектонике хохов, З.М. Налоев называет три важных компонента этих произведений: 1) зачин – *къыхэдзанІз*; 2) перечень благ, из которых выстраивается картина желаемого оборота событий, – *хъераджэ*; 3) концовка – *гъэтІылъыжынІз*¹¹.

Вслед за З.М. Налоевым И.Х. Пшибиев выделяет в хохах три составные части единого целого: 1) объект послания; 2) перечисление желаемых для объекта состояний; 3) повелительно-желательная концовка¹².

В нашем понимании традиционная или классическая композиционная схема адыгских здравиц – молитвообразная. Как правило, она состоит из четырех структурных единиц: 1) вступительное льстиво-почтительное приветствие Бога или обращение к нему; 2) обозначение объектов, людей, событий, явлений, в честь которых произносится тост; 3) перечень благ, испрашиваемых у Бога для названных объектов; 4) заключительное обращение к Богу с предикатом, отражающим волю к осуществлению высказанных пожеланий. Иными словами, чтобы провозгласить тост в его классическом молитвообразном виде, необходимо: 1) обратиться к Богу; 2) назвать объект, за которого человек ходатайствует перед Богом, испрашивает для этого объекта те или иные блага; 3) перечислить эти блага; 4) попросить у Бога исполнить высказанные пожелания.

В последние годы исследованием жанровых особенностей адыгских хохов активно занимается талантливый фольклорист М.А. Табишев. Подготовку к изданию свода традиционных, главным образом кабардинских

хохов он совмещает со сбором полевого материала, с анализом структуры, содержания, коммуникативной значимости и типологии всего многообразия образцов данного жанра ¹³. Большую эвристическую ценность имеет предложенное М.А. Табишевым разграничение поэтического языка (*хъуэхъубзэ*) и исполнительской традиции (*хъуэхъуцIафэ*) тоста. Это позволяет вычленить проблему логоса и этоса тостов, включая сюда и специфические особенности логоса и этоса застольных проклятий.

В фольклористике, как и в этнографии, большое значение придают ситуативному контексту, специфическим условиям и деталям исполнения обычая, обряда, ритуала. Мы всегда отмечали в этой связи, что следует описывать тот или иной ритуал таким образом, чтобы его можно было воспроизвести в форме, максимально приближенной к оригиналу. В нашем случае необходимо знать, что у адыгов во время исполнения тостов никто не встает, даже исполнитель. Глава застолья – тхамада никогда не дополняет свою здравицу застольными проклятиями, а тому, кто может и хочет это сделать, необходимо взять у него разрешение. Если исполнитель тоста произносит застольные проклятия, не взяв разрешения, тхамада может его прервать, выразительно опустив ладони рук на край стола, как бы собираясь встать.

В прошлом мы неоднократно обращались к вопросу о правилах застолья, указывали на структурно-функциональные особенности адыгских хохов, на их связь с застольным общением и этикетом, а также с заклинаниями, молитвами, благопожеланиями ¹⁴. Небольшая работа была посвящена и адыгским проклятиям, правда, вне связи с застольными проклятиями. Наконец, сравнительно недавно опубликована статья, посвященная семиотике застольных проклятий ¹⁵. Настоящая книга является расширенным вариантом этой статьи, попыткой привлечь внимание исследователей к более детальному комплексному анализу тостов и застольных проклятий в составе тостов.

«Тосты как форма общения». Так обозначена первая, вводная глава книги. Она посвящена комплексному этнопсихолингвистическому описанию и анализу специфических особенностей тоста, и прежде всего анализу его первой части – здравицы. В четырех последующих главах мы сосредоточились на жанровой специфике и факторном анализе застольных проклятий, выделив в качестве наиболее важных три фактора (дискурса) застольной брани: религиозно-магический, этический, эстетический.

В целом настоящее издание можно рассматривать как опыт историко-культурного и структурно-функционального анализа адыгских тостов, в качестве введения в такой анализ.

Книга снабжена приложением, в которое включены наиболее типичные и выразительные образцы здравниц и застольных проклятий. При этом в числе приводимых девятнадцати текстов под номером один вос-

производится краткая, но типичная по своей архитектурной форме здравица. Затем под номером два – вариант тоста, в котором первая часть состоит из позитивных пожеланий здравицы, а вторая – из негативных пожеланий брани. Этот тост может служить иллюстрацией речевого контекста застольных проклятий.

Тексты в приложении сопровождаются переводом на русский язык. Мы приносим благодарность З.М. Налоеву за помощь в этой работе, а М.А. Табишеву, кроме того, и за любезно предоставленные этнографические сведения, полученные им в ходе полевых исследований. Благодарим также сотрудников КБИГИ, принявших участие в обсуждении и подготовке рукописи к изданию: А.М. Гутова, Ф.Т. Узденову, И.А. Кажарову, Л.Б. Хавжокову, А.Х. Абазова, К.М. Хахову.

Остается сказать, что в основной части книги иллюстративный материал дается иногда в переводе на русский язык. Это сделано для того, чтобы не загромождать повествование, облегчить его восприятие для русского и русскоязычного читателя. Особенно часто мы ограничиваемся вариантом перевода на русский язык, когда примеры взяты из текстов приложения, где они поданы как на языке оригинала, так и в переводе.

¹ *Интерьяно Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 49.

² *Табишев М.А.* Проклятия как малый жанр адыгского фольклора // Псалъ (Слово). Майкоп, 2007. № 4 (7).

³ О необходимости такого расцвечивания симпозиумов писал Плутарх в «Застольных беседах». См.: *Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1990. С. 15–16.

⁴ Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 291.

⁵ *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 439.

⁶ Наличие дополнительных названий застольной брани выявлено в ходе полевых исследований М.А. Табишевым.

⁷ *Барт Р.* Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 371–372.

⁸ Адыгэ IуэрыIуатэхэр (Адыгский фольклор). Нальчик, 1963. Т. 1. С. 51–61.

⁹ Адыгэ хъуэхъухэр (Кабардинские здравицы). Налшык, 1985.

¹⁰ *Мижаев М.И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. С. 46–48.

¹¹ *Нало З.* Лъабжьэмрэ щхьэкIэмрэ (Корни и ветви. Литературно-критические статьи). Нальчик, 1992. С. 18–20.

¹² *Пицыйбий И.* Адыгэ IуэрыIуатэ (Адыгское устное народное творчество). Налшык, 1998. С. 127.

¹³ *Табишев М.А.* Исполнительская традиция адыгских хохов // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Майкоп, 2008.

¹⁴ См.: *Бгажноков Б.Х.* Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Советская этнография. М., 1987. № 2.

¹⁵ *Бгажноков Б.Х.* Семиотика тостовых проклятий // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2010. Вып. 16.

Глава 1

ТОСТЫ КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ

1. Здравница и «брань» в композиционной схеме адыгских тостов

Вера в слово как волшебство, способное изменить ход событий, сопровождает человека на протяжении всей его истории. Адыгские застольные здравницы или тосты – *Іэнэ пащхьэ хьуэхьу* яркое свидетельство такого присутствия и движения слова во времени, в жизненном пространстве личности и общества. По традиции, идущей из глубины веков, благосклонностью и помощью высших сил стремятся заручиться, предпринимаемая или завершая любое сколько-нибудь важное дело. Хохом-молитвой ознаменовываются День весеннего равноденствия, праздники первой борозды и урожая, закладка нового дома и новоселье, отправка свадебного поезда и счастливое возвращение поезжан, военные операции и успешное завершение этих операций.

Тосты внутренне связаны между собой. Если объединить все здравницы, звучащие за праздничным столом, мы получим один сводный текст, одно распространенное обращение к высшим силам. Цель этого обращения всегда одна и та же – обеспечить, утвердить нормальное течение жизни, сбалансировать настоящее и желаемое будущее, гарантировать справедливое распределение материальных и духовных благ. Мир адыгских тостов – это ярко выраженный поэтический мир, в котором люди хотят жить, с которым связаны их самые сокровенные мечты и желания. Он открывается перед нами, людьми XXI столетия, благодаря произведениям, которые формировались и оттачивались на протяжении многих веков.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты являются чаще всего соединением в одно целое нескольких относительно самостоятельных по содержанию окаменелых тостов. Это своего рода банк данных о стандартных пожеланиях на ту или иную тему: тему Родины, семьи, предков, дома, в котором проходит пир, хозяина и хозяйки дома, их детей и невесток и т. д. Отсюда человек выбирает отдельные формулы или целые блоки (строфы), которые уместны для использования в конкретной ситуации, созда-

вая новые комбинации и варианты этих формул. Творческая переработка имеющегося материала совершенно необходима, так как произносить механически без всяких изменений какие-либо длинные общеизвестные и хорошо заученные тосты считается глупым и неприличным.

Это свидетельствует о важной роли импровизации в искусстве тостовых посланий. Каждый раз возникает необходимость селекции и оранжировки стандартных формул. К примеру, на благотворительных пирах, устраиваемых семьями, желающей обзавестись отарой овец или стадом коров ¹, уместным считалось произнести не длинную, а краткую речь следующего содержания:

О Аллах!
Цель, которую эта семья поставила, дай ей достичь!
Чтобы тысяча [голов] резвилась, восемь сотен играла,
Чтобы из числа играющих
Свадебные пиры устраивали,
Чтобы громадным озером было их молоко,
Чтобы гигантским колесом был их сыр,
Чтобы их невестки исправно молоко доили,
Чтобы их старушки с молока сметану снимали.
О Аллах, тысячу лет, все блага имея,
Привольно дай им жить!

Это типичная для здравицы четырехчастная композиция. Чтобы провозгласить тост в его классическом молитвообразном виде, необходимо, как сказано во введении, обратиться к Богу, выделить объект, за которого человек ходатайствует перед Богом – спрашивает для него те или иные блага, перечислить эти блага, попросить у Бога исполнить высказанные пожелания.

Особого внимания заслуживает третий компонент здравицы. Он является композиционным центром тоста и представляет собой развернутое, внушительных размеров оптативно-инфинитное высказывание с подробным описанием желаемого оборота событий. Каждая единица высказывания представляет собой отдельное, но не законченное предложение, в котором инфинитные глаголы (в том числе именные сказуемые) в косвенном наклонении (*джэгуу, хащГыкГыу, яГэу, зэрахъэу, я гъэшу, я кхъуейуэ*) выражают отношение содержания высказываемого к действительности как желаемое, требуемое, запрашиваемое. Это, говоря словами О. Есперсена, «подразумеваемая, потенциальная предикация», заставляющая ожидать продолжения ². Таким продолжением является в адыгских тостах итоговое обращение к Богу с просьбой исполнить высказанные пожелания.

Суггестивную мощь тостовых посланий усиливает внутренняя форма слова, используемого для их обозначения. Это термин *хъуэхъу* (в русской транслитерации – хох), возникший как отглагольное существи-

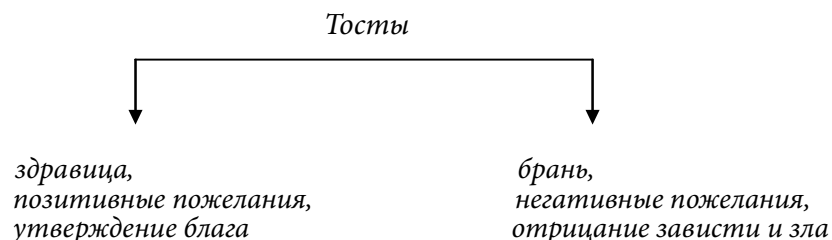
тельное в результате редупликации (удвоения) корневой морфемы *хъу* – букв. «стань», «будь». Наряду с такой – императивной – модальностью за словом «хох» сохраняется общее для адыгов, абазин, убыхов значение «просьба», «просить»³. Однако в данном случае речь идет не о просьбе в обычном, бытовом смысле слова, а о просьбе, обращенной к Богам, то есть о мольбе. Вследствие этого глагол *хъуэхъуэн* – «высказывать благопожелания», «произносить тост» имеет обусловленную его логико-семантической специализацией двойную модальность – императивную и оптативную (желательную).

То же самое относится к застольным проклятиям, дополняющим здравицу. Известные под общим названием *хъуэн* – «брань» и формально ничем не отличаясь от здравицы, они образуют особый фольклорный жанр, еще более экспрессивный, чем сама здравица. Автор призывает высшие силы сделать так, чтобы противник только что высказанных добрых пожеланий стал слабым, беспомощным, несчастным, чтобы от него отвернулся весь белый свет. Все это подано в лучших традициях смеховой культуры с мастерским использованием богатого метафорического потенциала языка, ср.:

А у тех, кто, отвергнув наши пожелания,
Зло против нас затаил,
Чтобы на их чердаках хомяки рыскали,
Чтобы в их кунацкой двести мышей носилось,
Чтобы из ветхих одеял клочьями шерсть торчала,
Чтобы дети у них, клянча кусочек мяса, бегали,
Чтобы хрупким был каркас их арбы,
Чтобы колеса арбы были без ступиц,
Чтобы оси колес были кривыми,
Чтобы на двух мужчин была одна лошадь,
Чтобы на трех мужчин было одно гумно,
Чтобы гумно это было пустым,
Чтобы и собака не прижилась в их доме,
В доме покосившемся,
С вечно голодными обитателями,
Вшами покрытыми,
С застольем без напитков,
С очагом без огня,
Со скудной пищей,
С перепачканной мебелью,
Грязными, замызганными,
Жизнь, отмеренную им, пусть закончат!⁴

Застольная брань воспринималась как сильно действующее средство отрицания и наказания зависти и зла, как инструмент защиты здравицы от порчи и дурного глаза. И хотя не все и не всегда прибегали к этому средству, сохранялся общий канон, согласно которому брань считалась

важной составной частью тостов. С учетом этого обстоятельства композиционную схему традиционных адыгских тостов (застольных хохов) можно представить следующим образом:

Роль связки тоста с проклятиями выполняют устойчивые выражения типа: «А тот, кому все это не по нраву, тот...». Затем следует поток не столько злобных, сколько насмешливо-сатирических, едких пожеланий-проклятий в адрес анонимного, воображаемого противника. Создается в результате условный, обобщенный, олицетворяющий темные силы образ завистника, недруга. На него насылает говорящий все, какие только возможно, беды и лишения.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем с некоторыми сокращениями один из примеров объединения позитивных пожеланий «хоха» с негативными пожеланиями «хона», или «брани», выделив жирным шрифтом формулу перехода от благих пожеланий к проклятиям:

О Аллах!
Дай нам [силы] щедро людей одаривая,
О даренном не жалея,
Души имея стальные,
Все [как один] в Кабарде здоровыми,
С волами откормленными стоящими на привязи,
С проса снопами тяжелыми, неподъемными,
С сотнями стогов сена,
Умеющими своим урожаем богатым насладиться,
О Аллах, жизнь нашу дай нам так прожить!
А тому, кому это не по нраву, –
Чтобы в двери его дома никто не заходил,
Чтобы чужаком его обзывали,
Чтобы мать его ходила в стоптанной обуви,
Чтобы дом у него покосившимся был,
Чтобы люди на него с презреньем смотрели,
Чтобы подачками для бедных не наедался...
Чтобы отталкивающим было его лицо,
Чтобы не было у него друзей, его окликающих,
Колчеруким, колченогим,
Кривым, косым,

Глухим, немым,
Слепым, незрячим,
О Аллах, так пусть он долго живет! ⁵

В приложении (текст № 2) данное послание приводится целиком и можно убедиться, что в нем здравица состоит из 51 строки, а брань из 41. Возникает, таким образом, бинарная композиция *хъуэхъу* + *хъуэн*, «тост + тостовое (застольное) проклятие», как наиболее полное выражение желаемого будущего, в котором добро, защищаясь, преодолевает, побеждает зло. Если быть точнее, автор послания предрекает такой оборот событий. А публика своим смехом горячо его поддерживает. Логика этого акта ясна: завистника выставляют в жалком, несообразном, смешном виде в отместку за то, что он оскорбляет чувства участников праздника, попирает высшие жизненные ценности добра.

Предполагается, что инвектива зависти позволяет наказать, а главное – нейтрализовать, обезвредить человека, затаившего зло. Главная задача «брани» – сделать завистника не способным действовать. И таким образом пресечь возможность сглаза и порчи здравицы. Отсюда одно из упоминавшихся названий этого жанра народной поэзии: *нэ темыгъахуэ хъуэхъу* – «пожелания, предохраняющие от сглаза».

Как видим, в адыгских здравицах и особенно в их насмешливо-бранных дополнениях сохраняется унаследованная от заговоров, заклинаний и молитв экспрессия с элементами приказа или просьбы исполнить все, о чем заявлено в пожеланиях. Своеобразны способы внутренней организации и инструментовки текстов – с мастерским использованием подхватной рифмы, с обилием стандартных фигур речи, с множеством вариаций на одну и ту же тему. Тост – это форма общения с Богом, перенесенная из обрядов жертвоприношения (в том числе из обрядов святой евхаристии) в застольный этикет. В качестве первоосновы используется здесь измененная литургическая речь с обилием свойственных ей риторических приемов. Велика в силу этих обстоятельств социально-этическая, терапевтическая значимость тостов. В торжественной обстановке застолья мастерски исполненная здравица с последующими возлияниями поднимает настроение, объединяет группу пирующих вокруг важных ценностей и высоких идеалов.

По сравнению с публичной молитвой тосты являются более демократичной, свободной формой общения. Слово для произнесения тоста предоставляется обычно нескольким, а в настоящее время многим или всем пирующим, тогда как во время богослужения произнесение молитвы – прерогатива одного единственного лица – жреца, священнослужителя. Еще одна особенность адыгского застолья состоит в том, что, как правило, тост произносят и слушают не вставая из-за стола, «из уважения к столу» ⁶, не нарушая тишину и торжественность момента. Встать из-за

стола полагалось лишь в одном единственном случае – если тост произносила женщина или провозглашали за женщину.

По традиции, унаследованной от религиозных обрядов, с кубком первой здравицы – *хъуэхъунэ фадэбжьэ* выступает, открывая пиршество, глава застолья, симпосиарх, известный у адыгов под названием *тхамата* ⁷. В дальнейшем без его предложения или разрешения произносить тост никто не смеет. Выступление каждого очередного оратора положено выслушивать почтительно, обратив на него взоры, в полном молчании. Перебивать выступающего, вставлять какие-либо реплики или дополнения считается недопустимым. «Тост не диспут», – любил повторять в данной связи известный кабардинский художник Мухамед Кипов. Во время исполнения тоста предосудительным считается также есть, пить, вставать из-за стола, смеяться и т. д. Категорически запрещается разговаривать между собой или пытаться дополнить, исправить выступающего. Отсюда известное правило: «Сверх тоста тост не произносят» – *Хъуэхъум хъуэхъу тражы Ихъыжыркъым*. Единственное, что можно и нужно сказать после произнесенного тоста – традиционное *Аминь* или *Тхъэм жиІэ* – «Бог да исполнит».

Умение произносить тосты и в настоящее время воспринимается как необходимый капитал социального ума, образованности, владения родной речью. Недавно из уст одного молодого человека я услышал придуманный им самим афоризм: «Тост – это торжественная клятва перед народом». Для каждого, вступающего в жизнь человека произнесение тоста за большим пиршественным столом – своего рода экзамен социальной зрелости.

2. Архитектоническая форма и литературный этикет застольной брани

Отрицание зла, как сказано, является важной составной частью традиционных адыгских тостов, и этому посвящаются дополняющие здравицу и произносимые сразу после нее насмешливо-сатирические, едкие пожелания-проклятия, известные под общим названием *хъуэн* – «брань». Формально они адресованы врагам, недоброжелателям, тем, кому не по душе добрые пожелания здравицы, но фактически – метят дальше. Они являются поэтическими обличениями и ниспровержениями зависти и зла.

Очень важен ритуал перехода от здравицы к проклятиям. Закончив первую позитивную, доброжелательную часть тоста (здравицу), оратор вызывается дополнить ее проклятиями и, таким образом, схлестнуться с завистниками, которым не по душе провозглашенное счастье и благополучие. Получив на это разрешение, он с нескрываемым удовольствием произносит формулу перехода от здравиц к проклятиям. Обычно это

стандартные высказывания типа: «Тот, кому моя здравица не по нраву...», «Врагов наших, затаивших зло...». Применяются иногда и другие, более сложные конструкции, например: «Тот, кто этому позавидует, / Кто зло затаит, / Кто воспримет это враждебно...». Вслед за этим следует инвектива зависти.

Нетрудно заметить, что в основе застольной брани лежит магия возврата, а именно – магия возврата завистнику его недобрых пожеланий по поводу здравицы. Вот что пишет Л.Н. Виноградова относительно специфики этого приема в составе славянских заговоров: «Магия возврата «зломыслия» или «злоречения» в адрес предполагаемого недоброжелателя практиковалась у белорусов при случайной встрече двух рожениц, несущих своих новорожденных младенцев (так называемый *знос*); чтобы защитить своего ребенка от вредоносной встречи, мать тихо приговаривала: "Нехай клянёт и себя бярёт, пусть её клятва и на неё"»⁸.

Конечно, в практике застольного общения возвратная магия действует иначе: проклятия-обереги произносятся не тихо, а напротив громко, они являются относительно крупными поэтическими посланиями, имеют ярко выраженный зрелищный характер, рассчитанный на смех публики и т. д. Но принцип диалога – принципиально важный для возвратной магии – сохраняется. Застольная брань строится как ответ на недобрые пожелания завистника, как возвращение ему его собственных злоречений.

С притворным, вызывающим смех негодованием насыляет оратор на своего оппонента множество комически представленных бед и несчастий: уродство, бедность, беспомощность, постоянные неудачи в делах, неприязнь окружающих, беспорядок в хозяйстве, неурядицы в семье. Открывается, одним словом, широкое поле для фантазии, для использования всех доступных и разрешенных этикетом средств и приемов словесного, символического наказания зависти и зла. Определенное представление об этом дает текст, вступительную часть которого мы уже упоминали:

Абы кѣфыгъуэныр,
Абы кѣеижныыр,
Ар зи жагъуэр,
Мыгъуэ ухъу,
Гуцэ ухъу,
Шыгъуэ бэгуу,
Шы бэгу шууэ,
Къэлътмакыщхъэм ирилъхъэр
КъэлътмакыпхэмкІэ къихужу,
ЩІэкІмэ, къанжэр кытекІакІэу,
КъыщІыхъэжмэ, фызыр кытекІеу,
Ежъэмэ, и шыжыыр лІэуэ,
КъекІуэлІэжмэ, и фызыжыыр лІауэ кърихъэлІэжу,
И вакъэжым шэбий кылэлэу,

И сабийхэм «лал» жаІэу кѣажыхъу,
Кѣренэ, кѣэунэ!

Тот, кто этому позавидует,
Кто зло затаит,
Кто воспримет это враждебно,
Чтобы жалким стал,
Чтобы стал беспомощным,
Чтобы похож был на рыжую, покрытую болячками клячу,
Чтобы на рыжей, покрытой болячками кляче ездил,
Чтобы все, что положит в дорожную сумку сверху,
Снизу из нее выпадало,
Если выйдет из дома, чтобы сорока с криком над ним кружила,
Если зайдет в дом, чтобы жена на него с криком набрасывалась,
Если отправится в путь, чтобы конь под ним сдох,
Если вернется домой, чтобы жену свою на смертном одре застал,
Чтобы из старых его ноговиц сено торчало,
Чтобы дети его голодные, выпрашивая мясо, бегали,
Таким пусть [навсегда] останется!⁹

По объему (по количеству стихотворных строк) инвектива зависти уступает здравице, но по экспрессии значительно превосходит, придавая тосту в целом необычайную яркость и выразительность. Этому способствует столкновение, разнонаправленность позитивных пожеланий здравицы и негативных пожеланий брани. Если в здравице, то есть в первой части тоста, языческих Богов и других сакральных покровителей просят о благе, то во второй части – взывают к тому, чтобы они сделали противников здравицы жалкими, несчастными, уродливыми, смешными. Согласно замыслу жанра это справедливое наказание завистника за его человеконенавистничество, за неприятие счастья и благополучия общины.

На специфику застольных проклятий наилучшим образом указывает само слово *хѣуэн*, используемое для обозначения данного речевого жанра. В переводе на русский язык оно означает «ругань», «порицание», «брань». Но известны (и об этом уже сказано в предисловии) другие, не менее важные в семантическом отношении, названия: *хѣуэхѣу гыбзэ*, что буквально означает «тостовые, застольные проклятия»; *нэ темыгѣахуэ хѣуэхѣу* – «оберегающие от сглаза хохи», или «пожелания, предохраняющие от сглаза». Первое из этих обозначений прочно связывает ритуальные проклятия с тостами и застольным общением, второе – указывает на магическую функцию застольных проклятий. Застольные проклятия – это своего рода вербальные обереги, в которых исполнитель тоста просит Богов ослабить завистников, лишить их жизненных сил. Сверхзадача проклятий-оберегов – разоблачение и отрицание зависти и зла.

Нетрудно заметить, что при переходе от здравицы к проклятиям происходит радикальная смена объекта коммуникации. В первом случае это добропорядочные и полезные члены сообщества, во втором – враги и

завистники, которым не по душе счастье, благополучие и успехи других. Здравница, состоящая из благопожеланий, демонстрирует теплое, серьезно-добросердечное, сочувственное отношение к своему объекту, в то время как «брань», состоящая из проклятий, выражает холодное, насмешливо-враждебное отношение. Автор тоста просит Бога лишить завистника жизненных сил, сделать его жалким и беспомощным уродом, вызывающим смех. Просит о том, чтобы все это было постоянным и бесконечно долгим состоянием, парализуя волю, усиливая чувство безысходности, превращая долгую и безрадостную жизнь злодея в пытку, в сплошную муку.

Мы видим, что ритуальные проклятия оформлены как стихи с использованием подхватной рифмы, ничем не отличаясь в этом смысле от здравницы. И так же, как и последние, обращены к Богам. Но в данном случае к их помощи прибегают в целях отрицания ненависти, зависти, вражды, в надежде на поддержку высших сил в борьбе и в полемике добра с демонами зла. Таким образом, мы имеем два текста, объединенных в одно поэтическое послание, когда к позитивным пожеланиям здравницы прикрепляются негативные пожелания «брани», образуя полную версию традиционного классического адыгского тоста.

Соединение здравницы с застольным проклятием вносит дополнительные правила и ограничения в общий порядок провозглашения тоста. Во-первых, это определенные правила застольного этикета, оговаривающие условия перехода от первой позитивной части тоста ко второй – негативной; во-вторых, – специфические требования литературного этикета, создающие условно-нормативную связь содержания застольных проклятий с их формой¹⁰. Наиболее важными, формирующими фольклорно-ситуативный контекст и архитектурную форму застольных проклятий являются следующие правила:

1) Застольные проклятия не положено произносить главе застолья. Притворно враждебный, шуточный тон этого речевого жанра считается несовместимым со статусом тхамады, с серьезностью и ответственностью возложенных на него обязанностей по управлению ходом застолья.

2) Другие участники пира, чтобы дополнить слова здравницы бранью, должны получить разрешение тхамады или всей компании.

3) Если такое разрешение не получено, то тхамада может прервать выступающего, но не окриком, а выразительно опустив ладони обеих рук на край стола.

4) Проклиная противников здравницы (носителей зависти и зла), никогда не называют конкретных имен этих людей. Создается, таким образом, не конкретно-личностный, а условный, обобщенный образ завистника.

5) В роли человека, олицетворяющего смертный грех зависти, выступает, как правило, средних лет мужчина, имеющий семью и детей, живущий поблизости, в селе или округе, где проходит торжество.

6) Во вступлении к проклятиям уместно предположить, что завистник находится среди участников пира и сидит с ними за одним столом.

7) Запрещается изображать женщин в роли завистников, «героев» застольных проклятий.

8) Запрещается включать в текст инвективы пожелания смерти, гибели завистника.

9) Текст инвективы должен быть относительно кратким по сравнению с объемом здравицы.

10) Язык и архитектурная форма застольных проклятий должны соответствовать поэтическому языку и архитектонике здравицы, подчёркивая формально-лингвистическое единство стиля позитивных пожеланий здравицы и негативных пожеланий брани.

Как видим, застольные проклятия усложняют процедуру провозглашения тоста. Чтобы дополнить здравицу ритуальными проклятиями, человек должен освоить специальные знания, выработать соответствующие умения и навыки. Кроме того, нужно обладать целым рядом важных личных качеств: красноречие, артистизм, способность импровизации и т. д. Вот почему не каждый вызывался дополнить свою здравицу проклятиями. А главное – не каждому это право предоставлялось.

3. Единство формально-поэтического строя застольных здравиц и проклятий

Мы уже говорили, что, как правило, застольная брань включает в себя обращения к Богу в самом начале тирады. Затем в самом конце брани оратор снова обращается к Тха или к Аллаху с просьбой исполнить все плохое, о чем говорится (в виде просьб и пожеланий) в проклятиях. Причем интонационно-ритмическая, звуковая организация негативных пожеланий ничем не отличается от ораторского стиха позитивных пожеланий здравицы. Благодаря этому сохраняется формально-поэтический строй здравицы, то есть первой, основной части выступления. Разница лишь в том, что в основе тостов лежит послание, состоящее из формул благополучия (добрых, величальных пожеланий), а в основе ритуальных проклятий – тирада из формул неблагополучия.

Сказанное означает, что ритуальные проклятия выступают в специфически тостовом обрамлении, хотя в семантическом отношении перед нами прямая противоположность тостов. Здравница призывает о благе, а прикрепленные к ней ритуальные проклятия – о наказании противников здравицы. Согласно замыслу послания, они прокладывают, расчищают путь для претворения в жизнь высказанных в тосте добрых пожеланий. В результате сохраняется смысловое единство послания: отрицание зла в проклятиях служит утверждению и достижению благ, провозглашенных в здравнице.

О внутреннем, в том числе и интонационно-ритмическом единстве тостов и поэтических проклятий свидетельствует единый для них ораторский стих, приспособленный для декламации. Их объединяет также абсолютно одинаковое сквозное, регулярное (за редким исключением) использование подхватной рифмы – акромонотамы ¹¹, или анатиплосиса ¹². В сочетании с эпанастрофой – соединением в одно интонационно-смысловое и фоническое целое двух (реже трех и более) стихов – акромонотамы членит тостовое послание на строфы.

Чтобы убедиться в сказанном, возьмем в качестве примера следующее, типичное для данного жанра послание:

Ар ифІэмыфІу зи жагъуэм:

И гъунэгъуитІыр и бийуэ,
И фызыр и бийрэ мыпсалъэу,

ЩІы гулъ зыгъэбатэм ехъуапсэу,
ПсэукІэ мыщІэу,

Ишхыр фІэмащІэрэ
ИщІэр фІэкуэду,

Кхъуей кІэдащхъэ тезышым
И шыпс ар енэцІу,

Я сабийхэр нацІэуцІэрэ
Лъакъуэ фІыцІэ ныбэкъыу,

Къэрэкъурэр я бжэІульэрэ
ШапцІэр я бжэ лъэмбу,

Я вакъэжъ лъэмбыІурэ,
БыІуэбышэу уэрам дэту,

Ялыхъ къэгъанэ! ¹³

А у тех, кому сказанное не по нраву, –

Чтобы врагами были их соседи и справа, и слева,
Чтобы жены с ними враждовали и не разговаривали,

Чтобы тем, у кого земля родит, они завидовали.
Чтобы сами при этом жить не умели,

Чтобы казалось им, что слишком мало они едят
И слишком много работают,

Чтобы, увидев, как открывают кадку с сыром,
С вожделением думали, выпить бы хоть сыворотки,

Чтобы дети их ненасытными были,
Чтобы черноногими и пузатыми были,

Чтобы их задвижки дверные были из стеблей сухой травы,
Чтобы порог дверной был из травы латука,

Чтобы в стоптанной обуви,
Как каракатицы, по улицам шатались,

О Аллах, такими их оставь (сделай)!

Перед нами застольное проклятие, целиком состоящее (за исключением вступительного и заключительного обращений) из двустушии или двустрочных строф. Графически это показано, как обычно, путем увеличения интервала между двустушиями, а также за счет выделения (в оригинале жирным шрифтом) подхватной рифмы. Показательно, что аналогичное объединение стихотворных строк в строфы наблюдается и в здравице. Это лишний раз свидетельствует о том, что проклятия жестко прикреплены к позитивным пожеланиям здравицы, что перед нами речевой жанр, возникший на почве традиций праздничного пира, как составная часть застольного смеха и веселья. Антитеза «*хъуэхъу – хъуэн*» зиждется на ассоциации по контрасту, на притворном, театральном негодовании по поводу глупости и нелепости попыток противостоять позитивным пожеланиям здравицы, на эффекте, в том числе и комическом, который производит серия проклятий после серии благопожеланий.

При этом сохраняются все формальные признаки здравицы. В частности, применяются обращения к Богам в начале послания, а также и в конце – с просьбой исполнить высказанные пожелания (хотя развернутые приветствия Богов, панегирики в их адрес отсутствуют). Используется, как и в здравицах, длинный список пожеланий, состоящий из синтаксически незавершенных (инфинитных) конструкций с окончанием *уэ, у, ыу (зекIуэу, энэцIу, и бийуэ)*, выражающих отношение содержания к действительности как желательное, запрашиваемое и длительное. Широко и разнообразно, как и в здравице, используются в застольных проклятиях фигуры речи, в особенности метафорический и фонетический потенциал языка. Такие приемы, как аллегория, метонимия, аллитерация, ассонанс, омонимия, паронимия и др. придают жанру застольных проклятий такую же выразительность, как и здравицам. За счет дополнительных образных средств и приемов, характерных лишь для сатирических пожеланий-проклятий (гротеск, пародия, каламбур, бурлеск) эти тексты в какой-то мере даже превосходят образный строй традиционных здравиц.

В любом случае это продолжение и составная часть тоста, но не гимна и не молитвы. Поэтические проклятия – своеобразное, но все же логически выдержанное и внятное продолжение застольной здравицы. Правда, это

не вполне симметричная (равноправная) связь: тостовое послание функционирует, сохраняя свой коммуникативный статус и без соединения с поэтическим проклятием. Между тем, проклятие вне этой связи тотчас его теряет. Оно жестко, можно сказать намертво, привязано к тосту.

Важно отметить еще и то обстоятельство, что в адыгской культурной традиции сатирические проклятия не связаны с какими-либо другими обычаями, ритуалами или речевыми жанрами, выходящими за пределы застольного общения. В частности, нет, как было сказано, даже отдаленной связи застольных, тостовых проклятий с обычными традиционно-бытовыми проклятиями. В функциональном и этико-эстетическом отношении гораздо ближе стоят они к здравицам и, являясь прямым продолжением и развитием позитивных пожеланий тоста, фактически совершенно неотделимы от них. Только в постпозиции к здравнице они обретают свой коммуникативный статус – статус застольных проклятий. В противном случае застольная брань как холостой выстрел – теряет всякий смысл. Устраняется в этом случае интрига, необходимое коммуникативное напряжение, которое неизбежно создается в результате соединения позитивных пожеланий здравницы с проклятиями.

Впрочем, и здравница много теряет без дополняющей ее застольной брани. Сейчас уже трудно это представить, но в прошлом бранно-сатирический компонент тоста считался едва ли не обязательным. Без сатирических проклятий, казалось, и на самом деле была невозможной реализация в полной мере не только религиозно-магических, но и этико-эстетических функций тоста, хотя само объединение хохов и проклятий произошло, видимо, не сразу. Исторически ритуальные проклятия сформировались после здравиц как необходимое религиозно-магическое и этико-эстетическое, философское дополнение к ним.

Таким образом, решающее значение для становления жанра застольных проклятий имел тот факт, что это были «ругательства», непосредственно связанные с тостом, произносившиеся сразу после здравницы и теряющие вне этой связи всякий смысл. Не будь здравиц, не были бы вызваны к жизни и ритуальные проклятия. Фактически это даже не проклятия, а особого рода пожелания – выдержанные в традициях смеховой культуры негативные пожелания мнимым или возможным недоброжелателям. Вот почему они не могут, не должны и фактически на самом деле никогда не нарушают атмосферу праздника, приобретая сколько-нибудь грубый, резкий, скандальный характер. Напротив, инвектива зависти органично вписывается в эстетику застолья, добавляя в атмосферу всеобщего веселья новые, неповторимые краски.

Бесспорно, праздничный облик застольных проклятий поддерживается и сохраняется за счет вышеназванных условий функционирования данного речевого жанра: 1) деидентификация, анонимность эстетическо-

го объекта; 2) смеховая организация послания; 3) исключение из списка проклятий пожеланий смерти «героя»; 4) скрытая самокритика и самоирония послания. Нарушение даже одного из этих условий существенно изменит характер послания, снизит его этико-эстетическую значимость, а в конечном итоге испортит тост, нарушит установившиеся правила застольного и литературного этикета.

¹ Речь идет об одной из традиционных форм взаимопомощи. Желая заняться скотоводством приглашал с соответствующими разъяснениями наиболее богатых людей округа на пиршество, где каждый из них объявлял о том, какое количество скота он готов подарить устройтею пира.

² *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С. 130.

³ *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985. С. 26.

⁴ *Тутов Шеретлоко*, 1886 г.р., Малгобег, Моздокский р-н, Северная Осетия-Алания // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 27.

⁵ *Иванов Хусейн Ельмурзович*, 1914 г.р., сел. Ст. Черек, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.

⁶ Правило «стол старше» – *Изнэр нэхъыжыц* обусловлено культом престола или накрытого стола, восходящим к обряду святой евхаристии.

⁷ Слово *тхъэмадэ* состоит из двух корневых морфем: *тхъэ* – «Бог» и *дэ* – «орудие», «механизм», «представитель», элемент *мэ* – выступает в роли интерфикса. Таким образом, слово *тхэмадэ* (тамада) соотносится почти в буквальном смысле со значением «жрец», «представитель Бога на земле». Согласно традиционным воззрениям, на пиршестве, подлинными хозяевами стола (престола) являются Боги, а жрец считается их прислужником. Такое распределение ролей отражено в содержании тостов.

⁸ *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 435.

⁹ *Кясова Унат Абубовна*, 1906 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Фоноархив КБИГИ. Пор. № 279. Инв № 704-ф/1.

¹⁰ О литературном этикете см.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 84–108.

¹¹ См. об этом: *Пицыгъуэтыж А.З.* Адыгэ усэ гъэпсыкIэ (О кабардинском стихосложении). Нальчик, 1981. С. 38.

¹² *Гаспаров М.Л.* Анадиплосис. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 22.

¹³ *Таов Бахситджарий*, 1882 г.р., сел. Малка, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 2.

Глава 2

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАСТОЛЬНЫХ ПРОКЛЯТИЙ

1. Светлая аура застольных проклятий

Застольные проклятия являются сравнительно большими и законченными поэтическими произведениями с использованием ораторского стиха, подхватной рифмы, эпанастрофы, большого арсенала метафорических средств и приемов разоблачения и наказания зла. Сложна архитектурная форма застольных проклятий. Инвектива зависти имеет, как правило, четырехчастную структуру, точно такую же, как и у здравиц: 1) обращение к сакральным покровителям; 2) обозначение объекта послания; 3) пожелание бед и несчастий названному объекту; 4) обращенная к Богам просьба исполнить высказанные пожелания.

В отличие от этого бытовые проклятия – краткие, хлесткие, злобные пожелания, состоящие, как правило, из одной очень краткой оптативной формулы, ср.: *Алыхьым уигъалІэ* – «Аллах да умертвит тебя», *Уи Іэр фІэгъукІ* – «Да отсохнут у тебя руки», *Емынэм ихъын* – «Чума тебя да возьмет». Известны односложные звуковые жесты: *Ямылгагъужын* – «Пропади ты пропадом». Даже в том случае, когда подобные проклятия включаются в развернутые заговорные тексты, это не способствует превращению их в поэтические послания, оформленные по канонам традиционного стихосложения.

Принципиальные различия наблюдаются в мотивации, в интенции, в эмоциональном настрое этих близких по форме речевых жанров. Застольные проклятия используются для демонстрации несостоятельности, контрпродуктивности зависти и зла, а не физического уничтожения самих «носителей» зла. В них нет свойственной обычным проклятиям агрессии, гнева, страстного желания смерти объекта. И это понятно. Ведь условным, абстрактным является сам объект застольной брани, и автор послания в этом случае не испытывает бурных негативных эмоций, которые являются источником бытовых проклятий. Напротив, он исполняет ритуал в приподнято-праздничном, хорошем настроении, с желанием

передать это настроение публике, рассмешить, развеселить ее. Аура застольной брани светлая и с проклятиями в прямом смысле этого слова не имеет ничего общего. Вот почему в самом тексте застольных проклятий отсутствуют такие слова, как *гыбзэ* (проклятие), *егииин* (проклинать). Показательно, что иногда вместо этого субъект называет свои послания «пожеланиями добра», ср.:

Это все, что относится к (моему) тосту.
Для тех, кому он нравится,
О Аллах, сделай все, о чем сказано.
Но и тем, кому это не по нраву,
Я тоже хочу пожелать «добра»,
Пусть Тха и для них сделает то, о чем я прошу! ¹

Конечно, это ироническое переосмысление, но поданное в несвойственной проклятиям мягкой, изысканно-юмористической и незлобной манере. Перед нами особый вид иронии, в основе которой лежит эстетически выдержанное, «утонченное притворство», которое еще Цецерон выделял как риторический прием.

Не следует забывать и о том, что бытовые проклятия являются у адыгов принадлежностью женского языка. Поэтому в обычных условиях мужчинам категорически запрещается использовать в своей речи такие послания. Но когда дело доходит до застольной брани, этот запрет снимается. Глава застолья разрешает, санкционирует произнесение дополняющих здравицу ритуальных проклятий. С одной стороны, это эксцесс вполне естественный для пиршества: торжественное нарушение обычного для повседневной жизни запрещения составляет сущность праздника ². С другой стороны, – и это, пожалуй, самое главное – основанием и условием разрешения эксцесса является стилистическая обработка, перелицовка проклятий, смягчающая природную категоричность, грубость, аффективность данного речевого жанра. Этому способствует использование поэтического языка, то есть языка «с установкой на эстетически значимое творчество» ³, рассчитанного на эстетические, а не какие-либо иные переживания.

Говорить же об эстетике или эстетичности бытовых проклятий можно лишь с большой долей условности. В отличие от застольных проклятий они являются принадлежностью разговорного и, как мы сказали, женского языка. Бытовые проклятия ставят перед собой только одну задачу – причинить адресату какой-либо реальный и ощутимый ущерб, вплоть до лишения жизни. Застольная брань такой цели не преследует. И дело не только в запрете на пожелание смерти завистникам. Не менее важно увидеть, что сверхзадача застольных проклятий состоит в том, чтобы *отклонить человека от зла и склонить к благу*.

Вот почему мы используем в этой книге словосочетание «отрицание зла». Отрицание не предполагает уничтожения, а в нашем случае это и невозможно, так как зависть и зло в принципе неуничтожимы. Отречься от зависти – значит пережить ее, переболеть этим недугом, удостовериться в ее банальности, несостоятельности. И обуздать, взять под свой жесткий контроль.

2. Пафос и логос застольной брани

В общей риторике под термином «пафос» подразумевают «намерение, замысел создателя речи, имеющий целью развить перед получателем определенную интересующую его тему»⁴.

Несомненно, темой застольных проклятий является зависть, а ее пафосом – обличение, осуждение зависти как одного из семи смертных грехов. Но каждая культурная тема имеет множество способов выражения, из которых складывается общая направленность фольклорного и любого другого произведения. Специфика ритуальных символов, языковых средств и приемов, используемых для отрицания зависти (логос) обусловлена критической, комедийно-сатирической направленностью жанра застольных проклятий. Если же брать еще шире, перед нами составная часть правил застолья, застольного общения и смеха. Показательно, что вне ритуального контекста, вне связи с тостом и ситуацией праздничного пира тексты сатирических проклятий теряют свой первоначальный смысл и не могут быть в полной мере поняты и осмыслены. Вот почему мы называем такие проклятия застольными, используя наряду с этим и некоторые другие определения: полемические, ритуальные, тостовые, магические, комические, празднично-игровые, сатирические, поэтические, эстетические, этические.

Роль связки благопожеланий с проклятиями выполняют устойчивые выражения, о которых мы уже говорили. С их помощью задается не только тема, но и речевой пафос второй части тоста, полемический, сатирический задор проклятий. Это тот случай, когда народная фантазия вырабатывает мифический образ врага и завистника, чтобы, говоря словами Р. Барта, «пропустить его через своеобразную «мясорубку», позволяющую не только описать и объяснить, но и осудить, посрамить врага, воздать ему по заслугам, одним словом, заставить его «пыхтеть и отдуваться»⁵.

Для пущей важности, для усиления, «нагнетания» комического пафоса брани общий список проклятий может состоять из двух-трех относительно самостоятельных и законченных блоков. Это обычный для данного речевого жанра прием повествовательной задержки, когда вслед за одной «пачкой» проклятий после небольшой паузы звучит серия новых, еще более хлестких. Они летят как бы вдогонку тем пожеланиям, которые

уже запущены и восприняты публикой. Вдобавок к этому используются иногда особые связки между блоками, поддерживающие контакт с публикой и создающие комедийный эффект: «Если это ему мало покажется, то...» (*Ар хуэмащІәІуэм ...*). Такое исполнение застольной брани напоминает ситуацию порки, когда субъект действия после очередных шлепков приговаривает: «Еще добавить?» Он как будто и сам сомневается, что достаточно «взгрел» завистника, и делится этими сомнениями с публикой.

Вот один из примеров построенного таким образом двусоставного застольного проклятия, в котором жирным шрифтом мы выделили начало первой и второй части:

Дә дызигагъуэм –
Фэнд гъурыр и чысэу,
ВыкІәсейр и сәмпІәу,
ЩІәкІым къанжәр къытекІакІәу,
КъыщІыхъэжым и фызыжьыр къытекІиеу,
Я шхыІәным бацэжь къиләлу,
Я сабийхэм «лал» жаІәу къажыхъуу,
Зы хъэжь яІәм мыбәнәфу къижыхъуу,
ХъәІусыпхъэр я Іусрә
Зы нысәщІи къамышәфу
Куэдрә Тхъәм игъәпсәу!
Ар хуэмащІәІуэм –
И ІурыкІым ер тету,
Тутын кІапафәу,
И фәр пыкІәуэ къиджәдыхъу,
И вакъэр хуэзәву,
И гъавэр хуэмащІәу
И дунейр Тхъәм иригъәхъ! ⁶

Тому, кто настроен к нам враждебно, –
Чтобы был ему кисетом высохший бурдюк,
Чтобы из кукурузных волос были ножны его кинжала,
Когда выйдет из дома, чтобы сорока с криком над его головой
кружила,
Когда вернется домой, чтобы жена на него с криком бросалась,
Чтобы из их одеял клочьями шерсть торчала,
Чтобы их дети бегали с криком: «Мяса хочу».
Чтобы у их старой собаки не было сил, чтобы лаять,
Чтобы их пищей был собачий корм,
Чтобы не могли привести в дом хоть одну невестку,
Так ему Тха пусть даст долго жить!
Если это ему мало покажется, то
Чтобы каждое слово его [бессильной] злобой дышало,
Чтобы остатки табака выкуривал,
Чтобы поблекший и сникший бесцельно бродил,
Чтобы обувь его ему была тесной,

Чтобы урожай его был для него мал,
Так Тха пусть даст прожить ему всю свою жизнь!

Полемический, насмешливо-сатирический пафос застольных проклятий поддерживают также импровизированные диалоги, в которых после позитивных пожеланий исполнитель спрашивает своих слушателей, не хотят ли они, чтобы он продолжил и перешел к бранной, сатирической части тоста. Услышав красочно оформленный утвердительный ответ, он говорит, как бы уступая просьбам участников пира: «Что ж, если вы желаете, продолжу!» Обмениваясь такими фразами (более подробно будет рассказано о них в следующей главе) автор послания и публика «разогревают» друг друга в предвкушении ритуальной полемики и борьбы со своими противниками.

Риторическое значение имеют различия в способах представления субъекта борьбы со злом: индивидуально-личностный, когда автор послания говорит от себя лично, и коллективный, когда он бранит завистника от имени группы с позиции «мы». В первом случае, заостряя стрелы критики, автор послания представляет противодействие его словам как враждебный, злобный выпад против него лично, как удар по его достоинству и самолюбию. Этой цели обычно служат риторические фигуры, переключающие внимание слушателей с позитивных пожеланий здоровья на негативные пожелания «брани», ср.:

Ахэр зымыдэу,
ЕкIэ си ужь кьихьэныр...⁷

Тот, кто, не одобряя мои слова,
Со злым умыслом сел мне на хвост...

В большом количестве представлены также послания от имени группы, прежде всего от участников пира. Типичным является следующий способ позиционирования коллективности послания:

Ди хьуэхьу зи жагьуэу,
Дэ ди жагьуэгьухэр...⁸

А те, кому не по душе наши пожелания,
И нашими врагами стали...

Как видим, коллективным здесь является не только автор послания, но и его адресат. Речь идет не об одном противнике, а о некотором множестве объединившихся врагов, что еще больше поднимает «планку» разыгрываемого в тосте противостояния. Теперь уже целая группа доброжелательно настроенных участников пира противопоставляется целой группе завистников. Разыгрывается ситуация полемики, в основе которой лежит

позиционирование по принципу «мы – они». Мы – это сторонники блага, они – носители зависти и зла.

Определившись со способом распределения позиций и ролей, автор послания высказывает большое число насмешливо-сатирических, пожеланий-проклятий в адрес (подчеркиваем!) анонимных, воображаемых противников. Очень часто это послания, которые начинаются с ходатайства о том, чтобы Аллах выделил завистника или завистников из общей массы людей, снабдив их какими-либо отталкивающими чертами внешнего облика. Это делается по многим причинам, но в первую очередь для того, чтобы завистника можно было опознать, а затем нейтрализовать, разоблачить, развенчать; ведь это враг, который желает остаться инкогнито и тайно, исподтишка наносить свои удары.

К примеру, автор застольных проклятий просит, чтобы голова его оппонента превратилась в голову не то кота, не то собаки; заклинает, чтобы передвигался завистник как зверь – на четвереньках; чтобы ползал, как змей; чтобы при этом лицо у него оставалось человеческим, но обезображенным глубокими морщинами. Просит также о том, чтобы тело злодея ему не повиновалось, чтобы действия его были блокированы, не достигали цели, ср.:

ТхыцІэкІэ зекІуэу,
И нэкІу зэлъауэ,
ЗыІупльэр игъащтэу,
ЯтІагъуэ ныбэу,
Хъэмджэдуущхъэу,
Къещхъ щымыІэу...
ТхъэкІумэкІыхъ лъакъуэу,
Къэмшыкъер и куэпкъыу,
ІэблэмбырыкІуэу
ЗыдэкІуэн и куэду,
ЗыдэкІуэм нэмысу,
И гур пхъэуэ,
И лъэр пхъэм дэнауэ,
Ялыхъ, уэ щІы⁹.

На спине [на позвоночнике] ползущим,
С лицом, испещренным морщинами,
Путающим одним своим видом,
С животом, набитым желтой глиной,
С головой не то собаки, не то кота,
На человека не похожим...
С заячьими ногами,
С бедрами из стеблей высохшей конопли,
На четвереньках ходящим,
Чтобы дел у него было по горло,
Но ни одно не смог исполнить,

Чтобы душа была полна желаний,
Но тело оставалось скованным,
О Аллах, прошу тебя таким его сделать!

Предстает отвратительное, страшное и одновременно смешное «зоо-растительно-антропоморфное» существо. И мы уже знаем о мотивах такого изображения завистника. По замыслу застольных проклятий он должен быть узнаваем и выделен из общей массы людей своим необычным, крайне неприглядным, неприятным, пугающим внешним обликом. Важно, чтобы завистник вызывал смех, смешанный с чувством отвращения и брезгливости.

Обращает на себя особое внимание тот факт, что завистника изображают кормящимся глиной, ползающим и передвигающимся на четвереньках. Создается в итоге комизм, близкий к буффонаде, перекликающийся с некоторыми сюрреалистическими образами и сценами «Мастера и Маргариты» Булгакова. Правда, здесь несколько иная мотивировка сюжета: уподобление завистника существам, которые отличаются от обычных людей звероподобным видом, несуразными манерами и незавидным образом жизни, является, несомненно, метафорой наказания завистника через отлучение от человеческого общества.

Комично поданы ситуации, когда выявлению, обнаружению завистника способствуют реакции птиц и зверей. Постоянно кружат над ним сороки, преследуя своим криком. Точно так же реагируют собаки. Преследуя завистника своим лаем, они сообщают всем о том, что идет человек, от которого можно ожидать порчи и сглаза.

В других текстах дополнительно к этому дается развернутая характеристика столь же комичных, психологических и поведенческих свойств завистника. Автор послания ходатайствует перед Богом о том, чтобы он сделал его оппонента трусливым, нерешительным, мнительным, обидчивым, ленивым, а в конечном итоге – не способным правильно оценить ситуацию, начать и закончить какое-либо дело.

Комично представленный мотив недееспособности постоянно повторяется и по-разному обыгрывается во многих текстах. Например, ходатайствуют о том, чтобы завистник пребывал в состоянии, при котором сердце его требует движения в определенном направлении, но ноги скованы и не идут: (*И гур пхъэуэ, / И лъэр пхъэм дэнауэ*), когда при каждом очередном движении вперед тело тут же отскакивает назад (*ГупэкIэ зэлъэу, / ЩIыбкIэ лъейуэ*). Понятно, с какой целью высказываются такие пожелания: чтобы враги не смогли исполнить, претворить в жизнь свои замыслы, чтобы тело не повиновалось жаждущей действовать злобной душе завистника.

3. Сверхзадача застольных проклятий

Застольные проклятия «моделируют» свой объект, создавая образ высокой степени условности и обобщения. Они клеймят не конкретного человека, уличенного или подозреваемого в зависти и колдовстве, а само явление зависти и зла, созданный поэтической фантазией тип поверженного, развенчанного злодея и завистника. Герой застольных проклятий не может быть известным лицом, не может быть назван по имени. Это взорвало бы и нарушило общий порядок застольного общения. Но при этом типизация опирается на точность и жизнеподобие внешних характерологических деталей наказанного – опустившегося и смешного в своей неприглядности завистника.

Эти детали поданы таким образом, что вызывают веселый, безудержный, своего рода «безжалостный смех», уничтожающий не только самого завистника, но и всякое чувство сострадания к нему. Мы уже говорили об этом. В этико-эстетическом дискурсе застольных проклятий обращает на себя внимание представление завистника в качестве определенного типа личности – жалкого, беспомощного, опустившегося на самое дно жизни. Это образ низкого и смешного в своей низости человека, не осознающего в полной мере ни степени, ни причин своего падения. И потому не вызывающего никакого сочувствия. Перед нами редко встречающийся в реальной жизни, но вполне естественный и обычный для фольклорной реальности случай, когда интенсивность и содержание смеха подавляют чувство жалости и сострадания.

Воображаемый противник высказанных в здравице добрых пожеланий становится объектом осмеяния и острой критики, как носитель и живое воплощение одного из семи смертных грехов – зависти. Это зло, которое должно быть наказано, и автор послания бичует, что называется промывает все косточки своего, посмеявшегося ему перечить оппонента. Порицанию подлежат вместе с тем и некоторые сопутствующие зависти негативные чувства и состояния, такие как ненависть, подозрительность, неблагодарность, обидчивость, злоба, предательство. Тем самым подчеркивается, что зло многолико, но самым страшным и опасным по своим последствиям злом остается зависть. Зависть разрушает, разлагает, ограничивает человека.

С этим связаны некоторые особенности персонификации противника здравицы, о которых мы уже вскользь упоминали. Как правило, все сводится к тому, что таким противником является средних лет мужчина, имеющий жену, детей, родителей, являющийся членом сообщества, от имени которого произносятся проклятия в его адрес. Но кто именно этот завистник, из содержания текстов узнать невозможно. Персонификация объекта застольной брани никогда не перерастает в идентификацию.

Таким образом, анонимность объекта послания является обязательным признаком данного речевого жанра, свойством, отличающим позитивные пожелания тоста от негативных пожеланий застольного проклятия.

Главная задача ритуальных проклятий указать, используя художественное слово, на определенный социально не признанный, не вполне нормальный тип личности, создать собирательный образ человека, олицетворяющего темные силы. Необходимо высмеять, заклеить, повергнуть этого человека, чтобы лишить его возможности нанесения людям вреда, чтобы через многочисленные мелкие детали быта и образа жизни героя показать, в конце концов, всю неприглядность, бесперспективность, бессмысленность зависти и зла. Это и в самом деле яркий пример олицетворения, когда абстрактное понятие зависти «становится лицом, личностью, но с перевесом значимости именно этого абстрактного понятия»¹⁰. Такой перевес ощущается даже в том случае, когда черты лица и особенности взгляда используют в качестве характерологических черт завистника. Повторяющиеся в застольной брани эпитеты и сравнения типа «морщинистое лицо» (*и нэклу зэлъауэ*), «завидующие глаза» (*и нэр унІэранІэу, нацІэрейуэ*), «жадный как у щенка взгляд» (*хьэпшырым хуэдэу нацІакІэу*) являются не только приметами завистника. Они становятся символами зависти и зла.

Специфической особенностью застольных проклятий является, как явствует из всего сказанного, их ирреальность. Во-первых, в них нет конкретного объекта, на который насылаются проклятия. Это условный, воображаемый враг и недоброжелатель. Возможно, он находится среди пирующих, но, возможно, его нет в ближайшем окружении или нет вообще. Во-вторых, ирреальны используемые для производства комического эффекта описания бед и несчастий, обрушивающихся на голову анонима. Отсюда типичные для застольной брани конструкции со словом «если»: «Если выйдет во двор», «Если отправится в путь», «Если вернется в дом», «Чтобы их дети, если они у них есть», «Чтобы из их матрацев и подушек, если они у них есть» и т. д.

Подчеркнутая нарочитость и условность существенно отличает застольные проклятия от позитивных пожеланий здравицы. На самом деле это не более чем заданная рамками ритуала игра ума. По всему видно, что оратор либо избегает прямых указаний на того, о ком говорит, либо вообще его не знает и никого конкретно не имеет в виду.

Из всего этого следует, что, в сущности, автор послания не ставит перед собой задачу вызвать описанное неблагополучие в реальной действительности. Он только раскрывает бессмысленность и банальность зла. И делает это нарочито условно, в целях умственной гигиены и профилактики, для воздействия на сознание и поведение всех присутствующих, не исключая из этого числа и себя самого. Этико-эстетическая направленность

застольных проклятий выдвигается, таким образом, на первый план. Она придает им характер философской поэзии, содержанием которой является критика, и, стало быть, отрицание, ниспровержение зла.

¹ Беканов Гид Машевич, 1886 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. Пасп. № 24.

² Фрейд З. «Я» и «ОНО». Тбилиси, 1991. С. 330.

³ Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979. С. 77–78.

⁴ Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997. С. 96.

⁵ Барт Р. Избранные работы. Семиотика и поэтика. М., 1989. С. 484.

⁶ Иванов Хажмурат, 1906 г.р., г. Нальчик, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 4.

⁷ Товатов Камбулат Батырбекович, 1868 г.р., хут. Авалово, Ставропольский край // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 18.

⁸ Маремуков Харун Битокович, 1879 г.р., аул Инжиджишхо, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 14.

⁹ Товатов Камбулат Батырбекович, 1868 г.р., хут. Авалово, Ставропольский край.

¹⁰ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 433.

Глава 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ САКРАЛЬНОГО И ПРОФАННОГО

1. Мистификация борьбы со злом

Сакральное рождает мистические образы, вызывающие чувство любви, уважения, благоговения. Одновременно на другом полюсе сакрального оказываются фигуры, вызывающие страх и отвращение. В застольной брани такой фигурой является завистник, желающий и способный лишить здравицу ее пророческой силы. О связанных с этим опасениях оратор сообщает в самом начале застольной брани. С притворной тревогой и патетическим негодованием указывая на противника здравицы, он заявляет о своей решимости сразиться с ним. Это придает определенный пафос и тон дальнейшим высказываниям – пафос словесной дуэли и битвы со злом. Считалось, что не поддерживая, пусть даже в мыслях, слова здравицы, человек оказывал противодействие ходу праздника, хотя мы знаем и о возможности сознательного колдовства, когда субъектом руководит злая воля (злой разум), превращающий его в дьявольское, сверхсильное и опасное существо.

Враг опасен еще и потому, что может действовать против группы тайно, не обнаруживая себя, скрывая свою ненависть под маской благожелательности. Обозначая объект инвективы, оратор прямо заявляет, что адресует свои пожелания-проклятия тем, кто тайно или явно враждует с ними (*е щэхуу, е нахуэу ди бийм*)¹.

Дополнительное напряжение создает концепция рождения и утверждения добра в постоянной борьбе со злом. По адыгским понятиям, враги есть и даже должны быть у каждого сколько-нибудь стоящего дела или человека. В застольных проклятиях эта мысль постоянно обыгрывается с использованием парадоксальных высказываний типа: *Нашим недругам / Как сорнякам, вставшим стеной [на нашем пути], дай размножиться*. Логика такой оценки ясна: если индивиду завидуют, значит он состоялся как личность, обладает чем-то ценным, что отсутствует у других и недоступно им. При такой постановке вопроса наличие врагов воспринима-

ется как зло, которое можно рассматривать даже как нечто полезное, как способ испытания мужества, благородства человека, ставшего объектом зависти. Предполагается, что нравственно-акцентированное усиление и самовыражение человека протекает в условиях постоянного сопротивления и соперничества, что добро закаляется и обнаруживает себя в борьбе с темными, враждебными силами.

В застольных проклятиях на этой почве создается устно-поэтическая версия недоброжелательности и зависти. Творческая фантазия автора опирается на праобраз или архетип дьявола, который повторяется на протяжении всей истории человечества. Герой застольных проклятий является именно такой мифологической фигурой. Мифологическим является и способ борьбы с завистью и завистниками. Здесь также действует традиция конструирования вторичной, воображаемой действительности, названная О.М. Фрейденберг мимезисом ². Текст насмешливо-бранного послания является мифом-рассказом о борьбе добра с дьяволом, вселившимся в человека, о том, как изгоняется этот дьявол, освобождая путь для претворения в жизнь позитивных пожеланий здравицы. Таким образом, мировоззренческий смысл застольной брани обусловлен во многом спецификой мифологического сознания.

Показательно, что тема вражды и соперничества с дьяволом поднимается и своеобразно обыгрывается также и во взаимодействии застольных проклятий с фольклорным контекстом, в диалоге исполнителя тоста с его слушателями. Согласно данным М.А. Табишева, у адыгов диаспоры исполнитель тоста произносит здравицу и затем, не выпивая хмельной напиток и выдержав небольшую паузу, обращается к присутствующим с вопросом, который звучит буквально так: «Вывести вас из здравицы?» (*Хъуэхъум фыкъышын?*). В ответ слышатся возгласы: «Бог ты мой, нет никого, кто не имел бы врагов, конечно выведи!» (*А зиунагъуэрэ, жагъуэгъу зимы!э щы!экъым, дауик! дыкъипшыниц!*). Услышав такие ответы, оратор говорит: «Что ж, выводить, так выводить» (*Нт!э, фыкъысимэ фыкъышын*). Затем, поставив на секунду свой бокал, он снова поднимает его и объявляет, что действительно у них есть враги, что им не по душе добрые пожелания здравицы, что надо, в конце концов, и по этому поводу высказаться и он готов это сделать ³.

Таким образом в игру вводится персонаж недруга, завистника, злодея. Подчеркивается, что, быть может, он не один, что, возможно, их много и они находятся совсем близко, вынашивая тайно или явно планы противодействия добрым пожеланиям здравицы. Не исключают даже возможность того, что кто-то из них «затесался» среди пирующих и, не обнаруживая себя, делает свое черное дело. Одним словом, публику предупреждают о реальной опасности нежелательного оборота событий, о возможности сценария прямо противоположного тому, что заявлено ис-

полнителем тоста в первой части его выступления. Об этом, как отмечалось ранее, говорится во многих формулах перехода от здравицы к проклятиям, ср.:

Мыбдежым зэхэс зэныбжьэгъухэм
Лъагъуныгъэу зэхудиIэр
Зи жагъуэ щыIэ хъунщ,
Мыбдежми къытхэсынкIэ мэхъу,
IупэкIэ къытхуэкъабзэу,
ГукIэ къытхуэбзаджэу,
Ахэри ди хъуэхъум хэднынкъым.
Хъуэхъуу абыхэм етпэсынури
Тхъэм ялъыгъэс мыпхуэдэу⁴.

Сидящих здесь [за этим столом] друзей
Наша любовь друг к другу
Быть может кому-либо не по нраву
И даже здесь [за этим столом], быть может, с нами сидят
Добрые к нам на язык,
Но зло затаившие в сердце.
Так не станем и их исключать из нашего хоха.
«Хохи» (добрые пожелания), которыми мы их удостоим,
Тха для них да исполнит следующим образом.

Происходит своего рода инсценировка мифа о борьбе добра со злом, описание, проговаривание мотивов и диспозиций этой борьбы. Мы видим, что исполнитель тоста, словно по заказу современного этнолога или филолога, разъясняет, подчеркивает, что тост должен включать в себя нелицеприятные пожелания противникам, оппонентам здравицы, что надо дать врагам достойный отпор и заставить сдаться.

Застольные проклятия воспринимаются в этих условиях как обереги, как профилактическая, оборонительная магия, которая по классификации Е.Г. Кагарова возникает и применяется в ответ на возмущающие, агрессивные воздействия вредоносной магии⁵. Проклятия-обереги расчищают путь для беспрепятственного движения позитивных пожеланий здравицы и таким образом обеспечивают конструирование воображаемой, желаемой действительности. Действительности, в которой пожелания здравицы сбываются и добро побеждает зло.

2. Фигура завистника

В сакральном мире существенно меняются привычные представления о человеке и его деяниях. Согласно замыслу культуры в этом мире носители зависти и зла иногда сами не подозревают, что оказывают негативное влияние на ход и результаты празднества. Они могут действовать разрушительно, не отдавая себе отчета в том, что обладают дурным гла-

зом, необъяснимой способностью приносить вред самим своим присутствием. Это очень стойкое и весьма распространенное убеждение. Так же, как и у других народов, в традиционном сознании адыгов сохраняется уверенность в том, что люди с дурным глазом постоянно находятся среди нас, в нашем ближайшем окружении, что они приносят различные беды и несчастья, подчас непроизвольно, сами того не желая.

Из страха навлечь беду, из чувства брезгливости не называют, не произносят даже личные имена таких людей. Вместо этого используют разного рода метафорические конструкции: *лбэужьей* – букв. «плохой след», *цІэимыуІэ* – «не подлежащий называнию» и т. д. В этих же целях создаются иногда вторичные имена и клички, основанные чаще всего на метонимии: *Джэдыгу хужь* – «Белая дубленка», *ТхьэкІумэишхуэ* – «Длинные уши», *Щхьэ бзу* – «Птичья голова» и т. п.

Возможно, это одна из причин, по которой адресата ритуальных проклятий не соотносят с каким-либо конкретным лицом. В то же время оратор допускает, что даже среди сидящих за столом могут быть лицемеры, которым не по душе добрые пожелания, высказанные в тосте. Предполагается, что внутренне, всем своим существом они противятся объявленным в здравнице благам: благоденствию и процветанию родного края, богатым урожаям, согласию и солидарности в семье и обществе. Им ненавистны, хотя они это скрывают, добрые пожелания в адрес гостей, хозяев дома, в котором проходит пир, или в адрес невесты, в честь которой устроен праздник.

В итоге перед слушателями открывается яркая картина порчи и колдовства. Происходит эмоциональное переключение слушателей с позитивных пожеланий здравницы на обладающих большой, сверхъестественной силой противников блага. Вынашивая коварные планы, они могут быть где угодно, даже за одним столом с пирующими.

Создается, одним словом, миф о вселенской зависти. А самого носителя зависти поднимают, возвышают, «превозносят» до небес. Его боятся, опасаются как демона, как падшего ангела, обладающего большой силой и таинственной способностью блокировать, опрокидывать добрые пожелания здравницы, создавать и претворять в жизнь прямо противоположные катастрофические сценарии развития событий. Это лишний раз подтверждает тот общеизвестный факт, что в эстетической плоскости безобразное и все, что вызывает отвращение, ужас, священный трепет, может быть источником, строительным материалом возвышенного ⁶. Недаром в эпосе и в языческом пантеоне адыгов присутствует надменный и самонадеянный Бог или демон зла по имени Пако.

Также самонадеянно, надменно, свысока выступают поначалу злодеи в застольных проклятиях. В созданной народом фольклорной действительности завистника ставят в один ряд с мифологическими фигурами

дьяволов, обладающих большой разрушительной силой. Недаром в их уста вкладываются заявления о том, что они положат конец благоденствию и процветанию целой страны или государства:

«Нобэ мы къэралыгъуэр мыпхуэдэу мэпсэури,
Мыр лIо мыпхуэдэу щIэпсэур?
Мыр дгъэпсэункъым!» ⁷

«Эта страна сейчас так [хорошо] живет,
Почему ей это удастся?
Не дадим (не позволим) ей благоденствовать!»

В итоге расширяется масштаб и социальная значимость разыгрываемого конфликта и противопоставления. Возникает пропущенное через фильтр эстетического видения сложное чувство личной и коллективной ответственности за устранение нависшей угрозы.

3. Образ автора застольной брани

Инсценировка ситуации, в которой завистники вынашивают планы противодействия пожеланиям здравицы, воспринимается как вызов с их стороны. И тотчас следует реакция автора послания. Он негодует, заявляет о величайшей ответственности за предотвращение нежелательного оборота событий, о готовности дать отпор злодею. Иногда даже в рамках одного послания сначала автор обращается к оппоненту как к своему личному врагу, а к концу тирады выступает от имени общества, государства, интересы которого защищает. Создается, одним словом, образ культурного героя – человека, претендующего на единоличное совершение поступка, реализующего миф о преодолении зависти.

Вспомним в данной связи, что в формулах перехода от здравицы к проклятиям автор послания представляет завистника как своего личного врага, посмеявшегося ему перечить (*А тот, кто не поддерживают мои пожелания, / Кто зло против меня затаил*). Говорящий действует как бы в отместку за задетое кем-то его самолюбие. В других случаях он говорит от имени всей группы, называя врагами всех, кому неприятны звучащие на празднестве пожелания добра и блага. Но, однако, и здесь он выступает как человек, взявший на себя миссию защиты интересов группы.

Существует, как указывалось ранее, множество примеров вступления, в которых группа доброжелательно настроенных противопоставляется группе завистников по принципу «мы» – «они», когда предполагается, что противники здравицы могут оказать негативное воздействие на ход и результаты всего празднества. Но тексты, в которых завистники выступают против общины, страны, государства, особенно показательны. Тем самым оратор ставит проблему шире, чем обычно, как бы подчеркивая,

что личные мотивы отступают на задний план, когда на карту поставлено благополучие большого числа людей.

Это заметно расширяет представление о масштабах грозящей опасности и подтверждает важность и актуальность действий, направленных на нейтрализацию зависти и зла. Во вступлениях к некоторым проклятиям имеются прямые указания на то, что как раз это обстоятельство, а не личная обида или неприязнь, заставляет говорящего выступить против человека, способного зломыслием и злоречениями нарушить идиллию торжества.

4. Охранительная функция проклятий

В «сакральном» мире противостояние тосту злых, темных сил представляется реальным и особенно опасным. Негативные мысли, эмоции, недобрые взгляды тайных врагов, а также, в особенности, их доступ к хмельному напитку, идущему по кругу, воспринимаются как потенциальные источники и возможности порчи. Люди убеждены, что под влиянием завистников содержащиеся в тосте пожелания окажутся под угрозой и станет сомнительной вероятность эффективного, удачного общения группы с Богом, что в конечном итоге не позволит вызвать заявленное в здравнице благополучие.

Не случайно во время пиршества для предотвращения порчи и сглаза в бочонок с хмельным напитком принято было опускать раскаленные докрасна очажные щипцы или раскаленный вертел (аналогично тому, как у шапсугов очищали принесенную ночью питьевую воду⁸). Считалось, что таким образом выжигают или выкалывают дьяволу-завистнику его глаза и таким образом – изгоняя нечистую силу – очищают хмельной напиток. Существуют даже проклятия, которые для пущей важности сопровождают действия по очищению хмельного напитка. Например, опуская раскаленный вертел в традиционную бузу, приговаривают: «Дьяволу (завистнику) с огненной бородой, чья кровь от ненависти к нам пылает, покажи, где раки зимуют, закатись его звезда»⁹ – *Емынэ жъакІэм, жъакІэ цІыплъым, зиль къытхуэплъым, Ялыхъ, я нэвагъуэр егъэлъагъужъ, и вагъуи игъэж!*

Все это объясняет религиозно-магические основания тостовых проклятий. Их произносят, чтобы предотвратить возможность порчи и вреда, чтобы нейтрализовать и ослабить затаившегося врага. Возрастает, вследствие этого, сакральная значимость выступления в целом. Поэтические проклятия выполняют охранительную, апотропеическую функцию, защищают представленную в здравнице перспективу благоденствия, успеха. Хотя автор послания вызывается единолично вступить в борьбу с врагами торжества, в этом противостоянии задействованы все присутствующие. Общее мнение таково, что лишь единство замысла и воли, активное участие всех пирующих в обряде провозглашения тоста способно очистить здравницу от скверны зависти.

В застольных проклятиях главным средством достижения этой цели становится осмеяние, профанация, поэтическое проклятие зависти и зла. В мифологическом сознании священное быстро сменяется обыденным, земным. Создается картина мира, в которой завистник опущен с небес на землю и, лишенный демонической силы, превращен в жалкое, беспомощное, нелепое существо, такое, что его и человеком трудно назвать. Такое существование завистников вполне устраивает людей, поэтому разыгранная в застольных проклятиях борьба с ними неизменно заканчивается примирением, снисходительно-позволительными выражениями типа: «такими (то есть поверженными) пусть и они с нами долго живут».

5. Развенчания зависти и зла. Гротескный реализм

В структуре застольных проклятий первая, вступительная часть (обычно очень краткая) выполняет целый ряд коммуникативных задач. Во-первых, автор вводит в игру персонаж завистника, противника позитивных пожеланий здравицы. Во-вторых, он его возвышает, демонизирует и тем самым как бы подчеркивает, что враг опасен. На этой почве возникает новая задача, состоящая в том, что выявленного, обозначенного врага необходимо остановить, нейтрализовать, обезвредить.

Вторая, более обширная часть инвективы является способом достижения этой цели. Смысловой доминантой используемых для этого высказываний является смена точек зрения на личность завистника, на его жизненные силы и возможности. Оратор ходатайствует перед Богом о том, чтобы он снял со своего оппонента мифический ореол возвышенного, непостижимого, могущественного и спустил на землю как смехотворно жалкого, никчемного, мелкого человека – одного из самых ничтожных. Происходит, иначе говоря, предусмотренное сюжетом застольных проклятий символическое, показательное развенчание зла. М.М. Бахтин называет этот прием, используемый как в литературе, так и в устно-поэтическом народном творчестве, «снижением и низведением высокого»¹⁰, а немецкий писатель XVIII в. Ю. Мёзер, рассматривая такие метаморфозы, писал о «смешном как о великом, лишенном силы»¹¹.

Если во вступлении завистника представляют способным воздействовать негативно на ход и результаты празднества, на жизнь и развитие общества, страны, государства, то в дальнейшем он предстает как совершенно беспомощный человек, не способный удовлетворить даже свои витальные потребности. Автор глумится над завистником, представляя его уродливым, нищим, слабым, раздражительным, смешным. Истощенный бессильной злобой, он влачит жалкое существование и живет в самых неблагоприятных условиях. Вспомним лишь часть из этих условий. Покосившийся, полусгнивший дом, в котором квакают лягушки, бегают сотни хомяков и мышей, живут его сварливая неопрятная жена и голод-

ные дети. В этот дом никто из односельчан не заходит, никто завистника не окликает, никуда не зовет и с собой не берет. Если же сам завистник пойдет к кому-либо, на него спускают собак или собаки сами на него набрасываются, чуя в нем дьявола.

В довершение ко всему создается образ не только психологически, но и физически истощенного человека. Например, завистника изображают настолько слабым, что его валит в овраг слабое дуновение ветра. Не будучи в силах выбраться оттуда, он остается там лежать в надежде, что подует сильный северный ветер и вынесет его обратно:

Ныкъуейр къепщэмэ,
Къуэм дидзэу,
Бештор къипщэу,
Сыкъыдидзыжыну пІэрэ жиІэу,
Алыхым къигъанэ! ¹²

Никой* если подует,
Чтобы его в овраг швыряло,
Бешто** если подует,
В надежде что он обратно вынесет, чтобы там оставался,
Аллах [его таким] навек да оставит!

Если настолько слабый, безвольный и беспомощный человек и может чем-то помешать людям, то это не масштабное, демоническое, а мелко-человеческое противодействие благу и сложившемуся социальному порядку. Например, воровство кур и другие аналогичные делишки. К тому же подобные акции заканчиваются крахом: завистника застанут во время воровства, избивают, выбивают коренные зубы и т. д. В других случаях его изображают неспособным даже на такие мелкие пакости. К примеру, желают дойти до такого изнеможения, что уже и рад был бы что-либо украсть, но не оставалось на это сил.

Перед нами присущий смеховой культуре тип образности, получивший название «гротескного реализма» ¹³. Уродливо-комическое, смехотворно-беспомощное состояние героя передается через мелкие карикатурного свойства детали его внешнего облика, повседневного быта, через комедийно-натуралистическое изображение связанных с ним вещей, событий, поступков. Некоторые проклятия в этом отношении особенно показательны, ср.:

Ар зи жагъуэм:
КъыщІэкІым къанжэр къытекІакІэу,
ЩІыхъэжмэ и фызыр къытекІиеу,
Уэншэку щхъэнтэжь тІэкІу яІэмэ,

* Никой – непереводимое слово, образ слабого ветра.

** Бешто – северный ветер.

Бацэр к̆билэлү,
Сабий ц̆гьк̆лү яІэмэ,
«Лал» жаІэу к̆ажых̆у,
Езым кх̆уэр иг̆эх̆уу,
Хьэх̆ур и ф̆ызу,
К̆эзмак̆ыр и Іусу,
Шыпсыранэр и т̆ысып̆Іэу,
КІапсэ лэрыг̆уу,
Емыгуг̆ужу,
Пщамп̆Іэ шэхудэу,
И дуней Іых̆эр ирег̆эх̆элІэ ¹⁴.

Чтобы тот, кому это не по нраву,
Если выйдет во двор, сорока с криком над ним кружила,
Если вернется в дом, жена поедом ела,
Чтобы из их матрацев и подушек, если они у них есть,
От ветхости шерсть торчала,
Чтобы их дети, если они у них есть,
Клянча кусочек мяса, бегали,
Чтобы сам он пас свиней,
А жена у него как собака злая была,
Чтобы колючки облепили были ему едой,
Чтобы сиденьем ему была крапива,
Чтобы покрытый мозолями,
Опустившись,
С засаленным воротником,
Время, отпущенное ему на этом свете прожил.

Слово «опустившись» (*емыгуг̆ужу*) является здесь ключевым, разъясняющим смысл и назначение застольных проклятий. Важно, чтобы завистник пребывал именно в таком – «опущенном», «запущенном» состоянии, чтобы под действием неблагоприятных условий он обессилел, сдался, находился в состоянии отчаяния, паники. Теперь мы лучше понимаем, почему оратор призывает Бога сделать так, чтобы злодей опустился, сник, капитулировал под тяжестью обрушившихся на него забот. Это делается для того, чтобы он уже никому не смог причинить вреда. Установление *modus vivendi* противников блага и добра воспринимается как мера, необходимая для нормального функционирования и развития социума. Условием примирения добра со злом объявляется наказание и самонаказание зла, пребывание завистника в жалком, беспомощном состоянии, вызывающем только смех. Это, иначе говоря, профанное существование завистника, которое освобождает окружающих людей от страха, тревоги, от священного трепета, от всех других неприятных эмоций, которые может вызвать сила, скрытая в зависти.

Комедийно-натуралистическое изображение убогого быта, повседневных неурядиц и злослучий бедолаги-завистника камня на камне

не оставляет от образа демона зла. Происходит десакрализация зависти. Теперь не может быть и речи о его способности принести большой вред: поколебать устои государства, наслать засуху и неурожай, расстроить счастливый брак и т. д.

Низведение завистника осуществляется за счет переключения внимания на убогий, расстроенный материально-телесный мир, а также за счет «приземления» и «падения» в прямом топографическом значении этого слова. Герой застольных проклятий падает в овраг как в преисподнюю и не может оттуда выбраться. Он ползает по земле, как змея, передвигается на чертвереньках, как животное. Дом его также клонится к земле и становится обиталищем сугубо земных тварей: змей, лягушек, хомяков, сусликов. В конце концов его самого превращают в прикованную к земле разлагающуюся девятилетнюю ящерицу, создавая тем самым аллегория несчастной, безобразной, непристойной старости.

Большое внимание концентрируется на комического свойства витальных аспектах повседневного быта, поведения завистника. Голод заставляет его не только просить милостыню и воровать, но и набивать себе живот глиной, травой, колючками облепихи. Образы с использованием растительного, а стало быть, заземленного мира, присутствуют в застольной брани в большом количестве и действуют в том же направлении – снижают, низводят, разоблачают, осмеивают. Завистника изображают с ногами из трав и кустарников, с сиденьем из крапивы, с жилищем, в котором дверным порогом служат листья латука, дверными задвижками – стебли сухой травы.

Апогеем снижения и низведения завистника становится используемый во многих текстах сюжет с сорокой, которая преследует горемычного злодея, покрикивая и дразня его с высоты птичьего полета¹⁵. Снабженный покрикиванием жены, этот сюжет достраивает сформированный ранее образ никчемного, всеми презираемого отвратительного существа. Причем образ парящей над завистником птицы как бы подчеркивает акт его десакрализации – приземления, низведения, ср.:

ЩІэкІамэ кѣанжэр кѣйтекІакІэу,
КѣыщІыхѣжамэ и фызыжѣхэр кѣйтекІиеу.

Если выйдет [из дома], чтобы сорока с криком над ним кружила,
Если вернется [в дом], чтобы его жены на него покрикивали.

Своеобразие повторяющихся образных средств и приемов профанации завистника позволяет считать, что в данном случае имеет место определенная традиция, определенная каноническая форма художественного, карикатурно-комедийного развенчания зла. Иначе говоря, в рамках гротескного реализма застольных проклятий вырабатывается

специфический, присущий только данному речевому жанру гротескный канон, о котором более подробно будет рассказано в последней главе.

Еще раз подчеркнем, что в истоках своих перед нами тексты, призванные предотвратить негативное воздействие бесов, дьяволов, дурных, злобных, завистливых людей и, таким образом, восстановить мировой порядок. Каким именно образом эта задача решается, мы уже знаем. Считается, что за счет словесно-магического отстранения зловердного человека от его черного дела усиливаются «позиции» позитивных пожеланий здравия, снимается страх перед демонами зла, освобождается путь к желаемому будущему.

Легкость, с которой это отстранение происходит, снимая напряжение и воодушевляя группу пирующих, объясняется в значительной степени магическими свойствами языка вообще и поэтического языка в особенности. «К поэтическому слову подходит название магема», – пишет в данной связи Б.М. Цейтлин¹⁶, заручаясь следующим высказыванием Х.Г. Гадамера по этому поводу: «В стихотворении язык возвращается к своей основе, к магическому единству мысли и события, пророчески вызывающему к нам из сумрачных глубин праистории»¹⁷.

В применении к застольным проклятиям справедливость этой оценки особенно очевидна. Набор пожеланий-ходатайств о низведении врагов и завистников образует и пророчествует возможный или неизбежный профанный мир носителей зла, мир, в котором они укрощены и уже кроме себя самих никому не смогут принести вреда. После перемещения в профанный мир злодей становится, говоря словами Роже Кайуа «пустым, лишенным своей действенной, но не стойкой чудесной силы»¹⁸. Он занимает в социальном пространстве только ту нишу, которую снисходительно предлагает ему автор застольной брани.

В данном направлении действует комический эффект, производимый застольными проклятиями. Смех, как известно, самым лучшим образом снимает страх, восстанавливает силы, преодолевает зло. «На того, над кем я смеюсь, я уже не могу сердиться даже в том случае, если он причиняет мне вред», – говорил Кант¹⁹. Отношение к страшному, как к «побежденному смехом», как к смешному и веселому, особенно характерно для народной смеховой культуры. Демонизированный, устрашающий образ завистника сменяется образом слабого, смешного в своих претензиях и в своей низости страшилища. «Гротескные образы народной культуры абсолютно бесстрашны и всех приобщают своему бесстрашию», – пишет М.М. Бахтин²⁰. Это магический в своих истоках процесс освобождения от тревог и сомнений, способ достижения на этой основе ощущений полноты жизни и радости бытия, когда комическое становится в этом случае проявлением и утверждением «радости вопреки злу и ... по поводу зла, во имя его ниспровержения»²¹.

Как видим, религиозно-магический дискурс обличения зла органически связан с эстетическим, комическим дискурсом, со снижением и низведением зависти до уровня обыденного и смешного в своей низости и банальности. Отсюда представление о самоценности радостного – не злобного, не злорадного – смеха, который является гармонизацией хаоса, возвращением к добру, от которого мир отклонился. Таким образом, сам акт исполнения произведений, относящихся к жанру застольных проклятий, следует рассматривать в плоскости их негэнтропийного эффекта.

¹ Адыгэ ИуэрыИуатэхэр. (Адыгский фольклор). Налшык, 1963. Т. 1. С. 58.

² Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 195.

³ Кип Махмуд, 1930 г.р., г. Узун-Яйла, Иордания.

⁴ Адыгэ ИуэрыИуатэхэр (Адыгский фольклор). Т. 1. С. 58.

⁵ Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 152–153.

⁶ Бычков В.В. Эстетика. М., 2009. С. 173.

⁷ Тхапшоков Алий, 1900 г.р., аул Кургоковский, Успенский район, Краснодарский край // Архив КЧИГИ. Ф. 4. Оп. 23. Ед. хр. 19. Пасп. № 2.

⁸ Обычно в воду окунали зажженную свечу или спичку и говорили: *ЧэццынэкIэ иплээгъамэ орэстыж* – «Если посмотрел ночной [дьявольский глаз], то пусть сгорит». Сообщение Коблевой Кадырхан Кечевны, 1928 г.р., аул 2 Красноалександровский, Лазаревский р-он, Краснодарский край.

⁹ Записано и любезно рассказано нам М.А. Табишевым со слов его матери Табишевой Мачехан Аюбовны, 1934 г.р., сел. Заюково, Кабардино-Балкария.

¹⁰ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 313.

¹¹ Шестаков В.П. Эстетические категории. Опыт системного и исторического исследования. М., 1983. С. 243.

¹² Темиров Х.Б., 1923 г.р., аул Хумара, Карачаево-Черкесия.

¹³ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 323.

¹⁴ Ехтанигов Азрет Нашевич, 1847 г.р., сел. Кишпек, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ед. хр. 1. Пасп. № 27.

¹⁵ Беканов Гид Машевич, 1886 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. Пасп. № 24.

¹⁶ Цейтлин Б.М. Заждательное слово Книги Иова // Человек. 2010. С. 89. № 4.

¹⁷ Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 142.

¹⁸ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 153.

¹⁹ Кант И. Собрание соч. М., 1940. Т. 2. С. 216.

²⁰ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 332.

²¹ Боров Ю. Эстетика. М., 2005. С. 132.

Глава 4

ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЗАСТОЛЬНЫХ ПРОКЛЯТИЙ

1. Системное отрицание зависти и зла

В современной науке сложились четкие представления о зависти как склонности воспринимать с неудовольствием благополучие других, постоянно сравнивать себя с другими, испытывать досаду от того, что чужое благополучие заслоняет его собственное ¹.

Зависть заложена в самой природе человека. В активной фазе она проявляется в злонамеренных поступках, в действиях, направленных на то, чтобы лишить блага своих ближних. В поступках завистника нет правды и логики, поэтому он ничего для себя не выгадывает и действует чаще всего в ущерб своему собственному благополучию. Ведь главное для человека, одержимого этим чувством, – причинить вред объекту зависти, увидеть его подавленным, страдающим, несчастным. В этом дьявольская сущность черной зависти. В ней, по словам И. Канта, присутствует элемент злобы, «превращающей ее в отвратительный порок угрюмой страсти, терзающей человека и стремящейся к разрушению счастья других, хотя бы мысленно» ². Зависть делает человека глубоко несчастным и подавляет его, не позволяя выполнить свое главное предназначение – «стать полезным звеном мира».

Но людям свойственно также бороться с этим чувством, противопоставляя ему закрепившиеся в нравственном сознании моральные принципы и установки. «Добродетельное сознание вступает в борьбу против общего хода вещей как против того, что противоположно добру», – пишет Гегель ³. Как раз к этому призывают застольные проклятия. Они учат нас, что глупо завидовать, если зависть по определению ошибочна и не способна сделать кого-либо счастливым.

В системе адыгской этики ум и способность нравственного понимания не зря характеризуют как способность отличать добро от зла и, отвергнув второе, принять благо в качестве общего принципа морального мышления и поведения ⁴. Зависть в этом контексте предстает как раз-

рушительная сила, негативно действующая на разум человека. Поэтому отрицание, преодоление этого чувства должно стать постоянно действующей активностью человека, оздоравливающей, регенерирующей ткани его сознания. Инвектива зависти в составе тостов является одним из средств такой регенерации.

Создается, таким образом, механизм наиболее изощренного системного отрицания и наказания зла, когда стрелы ритуальных проклятий направлены не против конкретного человека, а против завистливого, недоброжелательного типа личности. Предполагается, что при восприятии здравицы такой человек мысленно выступает против исполнения добрых пожеланий. Он заклинает: «Да не сбудется все это». Отсюда вступления, в которых именно так, с использованием именно таких формул ставится проблема (тема) послания. Типичным является следующий переход к ритуальным проклятиям: *Ар анхуэдэу ымытацэрэт жызыИэnum...*⁵ – «Тот, кто осмелится сказать (подумать), да не сбудется то, о чем только что сказано».

Таким образом, с самого начала, уже во вступлении к инвективе, создается образ враждебно настроенного человека, который активно противодействует благу. Но, призывая высшие силы лишить людей покоя, благоденствия, благополучия, он попадает в расставленные им самим сети. Автор застольной брани возвращает завистнику его проклятия и пророчит ему жестокое наказание: отвратительной внешностью, бедностью, одиночеством, презрением со стороны окружающих и т. д. Жанр застольных проклятий пронизан непоколебимым желанием показать самый край человеческого неблагополучия: когда личность отстраняется от всех форм материального, социального и психологического комфорта, лишается не только уважения окружающих, но даже элементарной жалости с их стороны. Проблема безысходности приобретает в застольных проклятиях относительно самостоятельный философский смысл, она стоит в одном ряду со стремлением постигнуть такие фундаментальные понятия, как жизнь, смерть, счастье, духовная перспектива.

Привычным является убеждение в том, что главным оружием завистников являются негативные мысли, слова, пожелания. Поэтому, как утверждают, и бороться с ними необходимо, используя их же оружие – вербальную магию. Хорошо отображено это в известном заклинании: *Ялыхъ, жагъуэгъуниши, жагъуэгъум зэрыжаИи думыиI* – «О Аллах, не оставь нас без врагов, но и не сделай нас такими, какими желают нас видеть на словах наши враги».

Инвектива зависти в застольных проклятиях является таким чисто словесным оружием в борьбе с врагами. Здесь широко и разнообразно представлены общие установки и конкретные приемы такой полемики. К примеру, возникают аллегорические образы и формулы, обыгрывающие убежденность в том, что в борьбе с завистниками закаляют волю и

празднуют победу носители и защитники добра. Не случайно текст одного из вариантов застольных проклятий начинается с парафразы на тему большого числа врагов, прямо перекликаясь с упомянутым выше заклинанием, ср.:

Ди жагъуэгъур
КъуейщІей мэшым хуэдэу гъэбагъуэ,
ЩІыдзыгъуэм хуэдэу гъэджэгугу,
И жьыщхъэ джэгупІэ щІыж ⁶.

Нашим недругам,
Как сорнякам, вставшим стеной, дай размножиться,
Как сусликам дай порезвиться,
А к старости сделай их посмешищем для людей.

Как видим, здесь есть намек на то, что у любого стоящего человека или дела есть недоброжелатели. Они множатся, вылезают отовсюду, как сорная трава, и в безумном мелочном желании навредить объекту зависти проявляют большую активность («резвятся, как суслики»), то есть растрачивают на это все свои силы и все отпущенное им время. Заканчивается это всегда печально: состарившись, завистник становится не только слабым и беспомощным, но также предметом осуждения и насмешек, как человек не только подлый, но и глупый, испортивший себе жизнь своими собственными руками. Создается в конечном итоге выразительный образ старого завистника. Одновременно – и это, пожалуй, самое главное – рождается сложная метафора, выражающая уверенность в том, что семена и всходы добра проложат свой путь, преодолевая заросли и мелочную возню сорняков-завистников и сусликов-завистников.

Такое вступление является хорошей разминкой для развертывания основного корпуса негативных пожеланий и пророчеств. Противников здравицы желают видеть смешными, беспомощными, жалкими. По контрасту с формулами благополучия, положенными в основу здравиц, мы называем их *формулами комического неблагополучия*. В ход пускается все, чтобы нарисовать яркую, зримую картину сплошных неудач, абсолютно-го, безбрежного неблагополучия и бессилия, когда завистник повержен морально, физически, материально и превращен в посмешище. Тем самым ослабляется, устраняется боязнь перед темными силами. Завистники, над которыми мы смеемся, нам не страшны и даже милы. Конечно, от этого они не перестают быть врагами, но воспринимаются уже по-другому – как обессиленные враги, не способные причинить вред.

2. Инвентаризация последствий зависти и неотвратимость наказания

Застольная брань вскрывает несостоятельность, банальность, низость зависти. В лучших традициях смеховой культуры поданы последствия этого разрушительного чувства. Они рассказывают о том, что бывает и что может случиться с человеком, препятствующим осуществлению блага. Он рискует оказаться бедным, глупым, мнительным, уродливым, слепым, хромым, плешивым. Может подвергнуться остракизму и быть превращенным в звероподобное существо, питающееся глиной, травой, колючками облепихи. Идея возмездия и торжества справедливости лежит в основе всех имеющихся в нашем распоряжении текстов. Но, предсказывая тяжелые последствия зависти, ритуальные проклятия не только разоблачают, бичуют, осмеивают, но и отвергают, сдерживают, ограничивают зло. Поэтому картина бедствий и лишений завистника имеет профилактическое значение.

Чтобы лишний раз убедиться во всем этом и полнее представить мир сатирических проклятий, приведем еще один типичный пример:

Тот, кому сказанное не по нраву,
Чтобы оставался зимой без тулупа,
Чтобы летом оставался голодным, без урожая,
Чтобы пищей ему были подачки соседей,
Чтобы в надежде на поминальную пищу жил,
Чтобы дети у него были раздетыми,
Чтобы лоботрясом прослыл,
Чтобы обижался и злился по каждому поводу,
Чтобы добрым словом никто о нем не обмолвился,
Чтобы никто не доверял ему свои тайны,
Чтобы голова была коростой покрыта, словно просяной шелухой,
Чтобы все самое скверное с его именем связано было,
Чтобы в каждом дворе собак на него спускали,
Чтобы курил, собирая окурки,
Чтобы лицо у него было морщинистое, как высохший бурдюк,
Чтобы походка его была неровной,
Чтобы, услышав кудахтанье кур, вздрагивал,
Чтобы постоянно его избивали,
Чтобы выбитые зубы разлетались,
Чтобы не в силах был даже украсть что-либо,
Чтобы местом его дома была самая плохая часть села,
Чтобы завидующими глазами хлопал и озирался,
Чтобы на улице как от паршивого пса от него шарахались,
Чтобы, отвергнутый всеми, не вылезая из очажной дыры,
Дни свои Тха пусть даст ему так прожить! ⁷

Используется набор типичных свойств, которые пророчит автор застольных проклятий условному противнику здравицы. Он желает, чтобы завистник оставался нищим, голодным, невзрачным, поникшим, раздражительным, подозрительным, безвольным, лишенным уважения и сочувствия. Присутствует здесь и очень важное для семантики проклятий указание на то, что речь идет о смертном грехе зависти: «Чтобы завидушими глазами хлопал и озибался».

Пародийное снижение героя застольных проклятий знаменует преодоление зависти. С другой стороны, это хороший повод и оригинальный эффективный способ заклеить человеческие слабости и пороки, показать, каким не надо быть, чтобы тебя не осмеяли, не подвергли остракизму. Здравница, дополненная ритуальными проклятиями, позволяет судить о том, какими были представления адыгов о настоящем, благородном и ущербном, неблагородном человеке, приносящем только несчастья. Дидактическое, нравственно-экологическое значение застольных проклятий выступает при этом на первый план.

Известно, что зло способно воздействовать на происходящее, если обладает необходимой для этого жизненной силой и энергией. Между тем активность «героя» застольных проклятий блокирована. Она блокирована физически, социально, психологически.

Не случайно образ этого человека предстает неизменно с акцентом на патологической и одновременно комической озабоченности, нерешительности, беспомощности, недееспособности. Его попытки что-либо предпринять или сделать не имеют успеха и вызывают лишь смех. Некоторые проклятия в этом смысле особенно показательны и поучительны. К примеру, разве не восхитителен образ человека, лишенного малейшей энергии и решительности: *Чтобы и рад был бы уже хоть что-либо украсть, / Но не было у него сил даже для этого*. Это образ человека смешного и жалкого вдвойне, во-первых, потому что под бременем нужды он готов нарушить нравственные заповеди и пойти на воровство, а, во-вторых, потому что не способен даже на это. Речь идет, одним словом, о человеке аморальном и безвольном одновременно. В адыгской картине мира именно такое сочетание личностных свойств воспринимается как самое большое несчастье и наказание.

Кстати, тема внутреннего несоответствия реальных задач и способов их решения поднимается и в бытовых проклятиях. Еще в 1923 году С. Броневский⁸ обратил внимание на самое страшное кабардинское проклятие, которое звучит примерно так: «Дай бог оставаться тебе человеком, который не знает, что ему делать, и считает для себя зазорным с кем-либо посоветоваться» – *ПицIэну умышIэжу, учэнджэцIэнуи уи ицхэ тумылхэу Алыхым укыгъанэ*. Это состояние растерянности, оцепенения, ступора. Оно охватывает человека, когда вследствие чрезмерного самолюбия, за-

носчивости, строптивости, ему отказывает здравый смысл, элементарное благоразумие. Тогда человек терпит одну неудачу за другой.

В застольных проклятиях изображение завистников, оказавшихся по своему недомыслию в таком положении, выступает на первый план. Мы уже убедились в этом. Но приведем еще один пример, на наш взгляд особенно замечательный:

ЗыдэкIуэн и куэду,
ЗыдэкIуэм нэмысу,
И гур пхъэуэ,
И лъэр пхъэм дэнауэ,
Ялыхь, уэ щIы!⁹

Чтобы дел у него было по горло,
Но ни одно не смог исполнить,
Чтобы душа была полна желаний,
Но тело оставалось скованным,
О Аллах, я прошу тебя сделать его таким!

Завистнику пророчат состояние полной прострации, когда беспомощность достигает апогея и вступает в неразрешимое противоречие с большим желанием и объективной необходимостью действовать, удовлетворяя спектр актуальных потребностей. Стандартные приемы отражения такой коллизии в стихах, в устойчивых пожеланиях-проклятиях можно отнести к известным в фольклористике «формулам невозможного»¹⁰. Но в адыгских тостах используются формулы особого рода, представленные в виде насмешливо-веселой, притворно-негодующей брани. Это существенно дополняет наши представления о психологии и поэтике невозможного в устном народном творчестве. Герой застольных проклятий сморщился от зависти и злобы, от сознания, что он не может, не в состоянии нанести вред объекту зависти. На фоне постоянных неудач возникает чувство неудовлетворенности условиями и обстоятельствами жизни.

В застольных проклятиях эти мотивы широко и разнообразно представлены в формулах типа: *Иихыр фIэмащIэрэ / ИиIэр фIэкуэду* – «Чтобы казалось ему, что слишком мало он ест, / И слишком много работает»; *Къратыр фIэмащIэрэ / ИиIэр фIэкуэду* – «Чтобы казалось ему, что слишком мало ему дают, / И слишком много он сам отдает (работает)»¹¹. Уныние и постоянная неудовлетворенность жизнью порождают мнительность, нервозность, суетливость, раздражительность, болтливость: *ЖаIэ псори щхъэжэ щыхъуу* – «Чтобы обижался и злился по каждому поводу»; *Бэрэжьей фочрэ, / Димычыхуу псалъэу* – «Чтобы не сдержан был на язык, / Бесперывно и без толку болтал»¹². Во всех своих неудачах завистник обвиняет других более удачливых людей в своем ближайшем окружении, погружаясь все глубже в состояние так называемого «каузального бреда зависти»¹³.

У людей в его окружении завистник вызывает стойкую антипатию. Все бранят его и ругают. Никто не любит, не уважает, не доверяет своих тайн, не навещает, не зовет с собой по делу, не приглашает в свою компанию. Дело осложняется тем, что и сам он ненавидит людей и, никому из них не доверяя, воспринимает свое социальное окружение как крайне неблагоприятное и глубоко враждебное. Вспомним в этой связи трехстишие, упоминавшееся ранее:

ЖаІэ псори щхьэжэ щыхьуу,
Хьуэхьу и щыщи хуамыІуатэу,
ИрамыІуэтыІэр псалъэ щэхуу¹⁴.

Чтобы обижался и злился по каждому поводу,
Чтобы добрым словом никто о нем не обмолвился,
Чтобы никто не доверял ему своих тайн.

Тот факт, что его представляют еще и смешным, только раздвигает масштабы этой трагедии, превращая ее в трагикомедию. Ведь смех, кроме того что нейтрализует, «убивает» зло, блокирует и некоторые важные для нормальных взаимоотношений чувства. Мы имеем в виду такие переживания, как жалость, сострадание, понимание. Объект тостовых проклятий смешон и антипатичен, и на этом фоне не возникает, не может возникнуть сочувствие. Смех и презрение подавляют эмпатию. Это, быть может, одна из самых важных смысловых характеристик данного речевого жанра. В созданной застольными проклятиями фольклорной картине мира завистник (как фольклорный персонаж) не заслуживает ни жалости, ни сострадания.

Для того, чтобы лучше передать драму человеческого существования, состояние уныния и растерянности, в котором, согласно замыслу послания, пребывает завистник, оратор прибегает еще к одному особенно сильному средству. Он пророчит ему жизнь, в которой от него отвернулись не только люди, но и Боги. Для этого в качестве концовки многих тостовых проклятий используется заимствованная из бытовых проклятий формула *Ялыхь, къэгъанэ*, что буквально означает: «О Аллах, таким его оставь». Автор желает, чтобы Создатель отвернулся от злодея так же, как отвернулись от него люди. Это самое большое наказание. «Отлучение» от Бога окончательно добивает завистника. Ведь единение с Богом является мощным источником как физических, так и духовных сил.

Психологический портрет ущербной личности дополняется не менее впечатляющей картиной отталкивающей внешности, которая по замыслу послания призвана усилить картину неприглядности зла. Объекту сатирических проклятий желают оставаться вечно грязным, неухоженным, растерянным, поникшим и т. д. Акцентируют внимание на различных формах физической ущербности, представляя завистника колчеруким,

колченогим, кривым, косым, глухим, немым, слепым, с лицом морщинистым, похожим на высохший бурдюк (*Фэндыхъ гъур нэкIуу*), с головой, покрытой коростой, словно просяной шелухой (*Хунтхум хуэдэу ар цхъэ цIакIэу*), с жадно и растерянно, как у щенка, смотрящими глазами (*Хъэпшырым хуэдэу нэцIакIэу*) и т. п.

Завистник, как отмечалось ранее, должен быть узнаваем и выделен из общей массы людей своим не вполне обычным, ужасным внешним видом. Это один из главных мотивов жанра застольных проклятий. В ряде случаев он раскрывается еще более резко и отчетливо через уподобление героя застольных проклятий существу, внешность и образ жизни которого соединяют в себе черты человека, зверей, растений и является, таким образом, метафорой изгнания завистника из человеческого общества.

Большое место отводится в застольной брани пророчеству беспроектной нужды. Завистника и всех его близких желают видеть в убогом покосившемся, полусгнившем, запущенном доме, в котором недостает хозяйственных построек и площадей, домашних животных, орудий труда, но зато развелось множество мышей, хомяков, лягушек. Жители этого дома, вечно голодные, оборванные, бродят по улицам, выпрашивая что-либо поесть и никогда не наедаясь подаяниями. Бедность, в свою очередь, порождает депрессию, накладывает тяжелый отпечаток на самочувствие завистника, на его отношение к людям. Герой застольных проклятий всегда недоволен чем-то, у него плохие отношения с соседями, с женой, с родителями, с детьми. Из жителей села никто его не навещает, не желает с ним дружить и поддерживать отношения.

Дается развернутая характеристика множества других, столь же отталкивающих и комично представленных психологических свойств завистника. Создается образ человека, который не способен завоевать доверие и уважение людей и сам, в свою очередь, никому не доверяет, – человека одинокого и глубоко несчастного. Но не вызывающего, тем не менее, жалости и сострадания. Застольные проклятия, как мы убедились, не предполагают эмпатических реакций и в этом смысле совершенно «безжалостны». Они рассчитаны на комический эффект, на веселый и безудержный смех участников пира, на смех уничтожающий и отрицающий с ярко выраженной негативной окрашенностью эстетического объекта.

Как видим, развитие тостовых проклятий идет по линии нагнетания недобрых пожеланий, в ход пускается практически все, что так или иначе работает на идею разоблачения, развешания зла и укрощения зависти. Состояние тотального неблагополучия показано не только в статике, включаются также сообщения о динамике падения личности, о новых бедах и несчастьях, усугубляющих плачевное состояние завистника. Таковы комические сцены, в которых подыхает его лошадь, умирает жена, зарастает бурьяном поле, засеянное просом. Получением тяжелых травм заканчивается неудачная попытка украсть что-либо съестное и т. д.

Все это детали, призванные подчеркнуть, что зависть изначально глупа, ошибочна, банальна, что она не способна сделать кого-либо счастливым. Что наказание завистника неотвратимо.

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 6 томах. М., 1965. Т. 1. Ч. 2. С. 400.

² Кант И. Указ. соч. С. 400.

³ Гегель. Феноменология духа // Гегель. Собр. соч. М., 1959. Т. 4. С. 205.

⁴ Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 52–59.

⁵ Дышеков Якуб Псабидович, 1881 г.р., аул Зеюко, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 10.

⁶ Шогенцуков Мухамедмирза, г. Баксан, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 19.

⁷ Семенов Лаби, 1924 г.р., сел. Ст. Черек, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.

⁸ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923. С. 132.

⁹ Товатов Камбулат Батырбекович, 1868 г.р., хут. Авалово, Ставропольский край.

¹⁰ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 363.

¹¹ Этлигов Магомет Жанхотович, 1890 г.р., аул Вакожиле, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 13.

¹² Этлигов Магомет Жанхотович, 1890 г.р., аул Вакожиле, Карачаево-Черкесия.

¹³ Шеек Г. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010. С. 36.

¹⁴ Семенов Лаби, 1924 г.р., сел. Ст. Черек, Кабардино-Балкария.

Глава 5

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1. Искусство слова и смеха

Общий социорегулятивный эффект застольных проклятий достигается за счет художественной речи. Это речь, в полной мере использующая поэтическую технику, метафорический потенциал и аппарат языка, когда по известному и всем полюбившемуся выражению А.А. Ричардса, «транспортное средство» (vehicle) влияет на «груз» (tenor) ¹.

В застольных проклятиях «грузом» (содержанием, предметом) послания является отрицание зависти, а транспортным средством, конституирующим эстетический дискурс инвективы, – традиционный народный стих и смех. Во взаимодействии формы и содержания застольных проклятий отвратительная природа зависти предстает как художественное осмысление категории безобразного. Завораживает красота, внутренняя сила, искрящийся юмор описаний внешности, быта, образа жизни завистников, темного мира зломыслия и злословия. Здесь едва ли правомерно говорить о подчиненной роли эстетического в фольклорном тексте ². Сущность застольных проклятий может быть понята в полной мере лишь при условии, что мы воспримем эти произведения как эстетический феномен, а их исполнителя как эстетическую личность.

Застольная брань выдержана в лучших традициях устного народного творчества, народной смеховой культуры. Обращает внимание не только богатая система средств и приемов звуковой организации речи, обилие и оригинальность символов, метафор, но и мастерская подборка частных тем и мотивов, тонкость и меткость характеристик поверженного, разоблаченного зла. Через мельчайшие детали быта и образа жизни тщательно и неторопливо, шаг за шагом прорисовывается портрет смешного и банального в своей низости человека, который резко контрастирует с представленным в здравнице портретом идеальной, моральной личности. Жанр застольных проклятий основан на контрасте добра и зла, на комическом изображении зависти с резко выраженной критической, сатири-

ческой окрашенностью основных характеристик личности героя – объекта эстетического видения.

Отсюда эмоциональный настрой посланий. Его можно охарактеризовать как ярко выраженное желание «отхлестать», проучить, урезонить завистника, сделать (используя механизм ритуальной брани) то, что в обычной жизни мы не всегда решаемся сделать. Способы самораскрытия личности через негативные пожелания брани и создают в итоге их игровой пафос и артистизм.

Язык в таких случаях прорывает повествование, нарушая обычные правила синтаксического согласования и сочинительно-подчинительных связей, резко меняя не только темы, но и ракурсы, способы конструирования очередного высказывания. Например, постоянно меняются вступающие в противоречие друг с другом роли высших существ и сакральных покровителей. Начиная послание с обращения от себя лично к одному завистнику, в дальнейшем автор строит свои проклятия от имени группы и по отношению к некоторому множеству врагов. Опративный модус послания прерывается вкраплениями императивного характера или какими-либо предложениями относительно смысла и стиля жизни человека вообще. Такое впечатление, что оратор не заботится о правильности и последовательности речи и видит свою задачу в другом. Наслаждаясь поэтически-комическим отображением зла как волшебством, он ведет, вовлекает в мир театрального действия, в мир искусства слова и смеха своих слушателей. Застольные проклятия относятся к типу произведений, которые К. Чуковский назвал азартными³. Это азарт словесной дуэли, в которой добро и благожелательность побеждают, а точнее, преодолевают ненависть и зло. На первый план здесь выступает эстетика высказывания, и потому небрежное, на первый взгляд, отношение к языковой форме не снижает, а напротив, повышает его вынятность и осмысленность.

Объяснить масштаб, всю глубину переживаний публики свойствами самого текста в данном случае невозможно, пространство наслаждения шире рамок дискурса, сказал бы по этому поводу Р. Барт. Красочный, выразительный тост, в котором позитивные пожелания здравицы соперничают по красоте и изобретательности с негативными пожеланиями брани, воодушевляет группу пирующих, вселяет в них уверенность в успехе общего дела. Конечно, многое зависит от таланта, от творческого настроения и подъема оратора, который через застольные проклятия стремится выявить себя как «смеходел» древнегреческих пиров, как артистическая, эстетическая личность.

2. Комическая условность сюжета. Эстетизм

По замыслу ритуальных проклятий, занимая в каждой социальной группе определенную нишу, носители зла призваны участвовать в процессах самоорганизации общества. В сконструированной фольклорной картине мира они необходимы, подобно тому как необходимым для нормального функционирования каждого поселения считалось проживание в нем как минимум одного-двух сумасшедших. На этой почве развились упоминавшиеся ранее снисходительно-примирительные концовки сатирических проклятий типа: *Ялыхь, ари гъэ минкIэ гъэпсэу* – «О Аллах, так пусть и он [с нами] тысячи лет живет». В этих словах, как подчеркивалось, нет места чувствам гнева, ненависти, раздражения, страстного желания немедленной смерти адресата. Между тем для обычных – бытовых – проклятий именно такие эмоции и связанные с ними пожелания и пророчества смерти являются основными, не оставляя места для светлого юмора, иронии, смеха.

Правда, есть, как будто, и некоторые исключения из данного правила. Например, известен и часто повторяется сюжет, в котором завистнику желают отправиться в недобрый путь, заканчивающийся тем, что сдыхает его конь и умирает его жена:

Ялыхь,
Ар гъуэгу мыгъуэ егъажьэ,
Ежьэмэ,
И шыжьыр гъалIэ,
КъекIуэлIэжмэ,
И фызыр лIауэ кыIугъэщIэж ⁴.

О Аллах,
Дай ему в недобрый путь отправиться,
Если отправится,
Пусть сдохнет его старая кляча,
Если вернется,
Пусть застанет мертвой свою жену.

Однако и в этом случае не желают смерти самому герою ритуальных проклятий, а негативные пожелания и пророчества лишены характерной для истинных проклятий злобности, категоричности и серьезности тона. Здесь, как сказано, нет гневных разоблачений, проникнутых жаждой мести и смерти врага. Есть лишь ирония, рассчитанная на смех публики. Автор послания демонстрирует свое красноречие, свой оптимистический настрой, передавая этот настрой публике, сохраняя в полной мере изящество стиля и комическую, эстетическую условность сюжета. Смерть коня и затем жены завистника предстает скорее как курьезный случай, коми-

ческий оборот событий, дополняющий рассказ о его безрадостной и нелепой жизни. Такие моменты хорошо вписываются в картину всех других бедствий и лишений, на которые обрекает оратор своего, созданного в его воображении оппонента.

Так же точно выстраивается множество других комических сцен и сюжетов. Завистнику желают, чтобы вместо ножа он пользовался серпом и каждый раз ранил им себе руку, чтобы на улице сороки донимали его своим криком, а собаки своим лаем, чтобы бедолага попался на воровстве кур и ему выбили за это коренные зубы, чтобы придя голодным домой, сунул руку на полку для еды, а оттуда упал булыжник и разбил ему голову. Общим местом ритуальных проклятий стали пожелания типа:

Ар зи жагъуэм,
Кхъуэр игъэхъуу,
Хъэхъур и фызу,
Къэзмакъ банэр и Iусу,
Шыпсыранэр и тIысыпIэу,
Ялыхъ,
Ари гъэ минкIэ гъэпсэу ⁵.

Тот, кому сказанное не по душе, –
Чтобы свинопасом был,
Чтобы жена у него была как злая собака,
Чтобы пищей ему были колючки облепихи,
Чтобы сиденьем ему была крапива,
О Аллах,
Так дай и ему жить [вместе с нами] тысячу лет.

Этико-эстетическое комическое восприятие и переживание таких сцен и сюжетов выдвигается на первый план. Смех ритуальных проклятий земной, праздничный, веселый, несовместимый с недовольством, с чувством ненависти к «герою» послания. По большей части это смех ради смеха, ради забавы, ради торжества, которому посвящен пир. Желая развеселить публику, выставя своего оппонента жалким, нелепым, смешным, говорящий делает это из любви к искусству, увлеченный игрой слов, комизмом разыгрываемых сцен. Поверх сюжета инвективы рождается безотчетное чувство творящей, формообразующей силы слова – удовольствие от текста, о котором писал Р. Барт ⁶.

В классических образцах застольной брани, помимо великолепно подобранной рифмы, – большой и разнообразный инструментарий художественно-полноценной стилистической, в том числе и звуковой, организации послания. В полной мере дает о себе знать свойственная традиционной смеховой культуре легкость, выразительность, «веселая вольность мысли и воображения», вовлекающая в процесс творения стихов самой высокой пробы. Например, в следующих строках в соединении

с каламбурной рифмой мастерски используются синтаксический параллелизм, аллитерация, анафора: *Шыгъуэ бэгуу, / Шы бэгу шууэ*, – «Чтобы похож был на рыжую, покрытую болячками клячу, / Чтобы на рыжей, покрытой болячками кляче ездил» ⁷. То же самое, но в еще более яркой и выразительной форме, представлено в следующем фрагменте:

Мыгъуэ-мылІэу,
МылІэ-мыпсэууэ,
И гъащІэр егъэхь! ⁸

Не живым, но и не мертвым,
Не мертвым, но и не живым
Пусть остается на этом свете!

Эти переводы лишь частично передают прелесть оригинала. Но и такое заведомо не вполне совершенное представление исходного смысла и внутренней формы застольных проклятий позволяет представить их нравственно-экологическую и художественную ценность. Мы видим, как тонко обыгрывается здесь заданная спецификой жанра тема бессилия и опустошенности завистника. И насколько выразительно, психологически точно передают подобные формулы мотив его бессилия и недееспособности – один из самых главных в застольной брани.

3. Стилистическая симметрия. Вербальное подмигивание

Изображенная в застольных проклятиях убогость человеческого существования противопоставляется идеалу, который представлен в первой части тоста – в здравице. Разыгрывается создающий эстетическое напряжение конфликт добра и зла, идеала и «антиидеала». В этом противоборстве, как показано ранее, прокладывается путь к овладению желаемым будущим; конфликт разрешается наказанием, изгнанием зависти.

Такое выстраивание сюжета обуславливает использование целого ряда поэтических тропов. Среди них в первую очередь обращает на себя внимание повторение тем, сюжетов, мотивов и даже отдельных формул здравицы в проклятиях-оберегах, но с принципиально иной направленностью – в целях уничтожающей критики зависти и зла с использованием средств и приемов комического представления названных пороков. Иначе говоря, перекликаясь с формулами здравиц, с их энергетикой и патетикой, инвектива зависти, ее архитектурная форма органично вписывается в структуру тоста, создает ощущение единства стиля здравицы и брани.

В сущности, перед нами разновидность стилистической симметрии ⁹, благодаря которой ходатайства о наказании зла становятся более по-

нятными, захватывающими и поэтичными. Вместе с тем возрастает комизм просьб и пожеланий. В одних случаях это достигается за счет обыгрывания и переосмысления стандартных форм зачина или концовки, в других – за счет переориентировки позитивных пожеланий здравицы в негативные пожелания, обличающие завистника. Например, застольные проклятия начинаются иногда с традиционного и характерного для здравицы льстиво-почтительного, патетически-панегирического обращения к Богу, что уже само по себе создает комический эффект в форме своего рода бурлеска, ср.:

Дэ ди Тхьэу куэдыр зи гуащІэ,
Ди хьуэхьур зи жагьуэм...¹⁰

Наш Тха, всесильный Бог,
У тех, кому наша здравица не по нраву...

Использование обращения типичного для здравицы и нетипичного, даже противопоказанного для проклятий задает веселый и озорной тон всему посланию. Сразу после такого вступления оратор бранит, фактически проклиная завистников, следует тирада, представляющая в деталях картину безрадостной жизни воображаемых противников здравицы. И все это подается в празднично-игровой, шутливой форме, вызывая у сопотрапезников безудержный смех.

Комический эффект производят случаи, когда оратор куражится, демонстративно называя свои проклятия добрыми пожеланиями, то есть высказываниями, ничем не отличающимися от позитивных пожеланий здравицы. Понятно, что это специальный прием, – утонченное притворство. Мы убедились, что в той или иной мере такой прием используется почти во всех текстах. Но некоторые полные сарказма и несомненно высокохудожественные способы перехода от здравицы к брани особенно показательны, ср:

А псори хьуэхьущ,
Ар зыфІэфІым
Ялыхь, кьыхуэщІэ ар.
Ар зыфІэмыфІмикІ
ТІэкІу сехьуэхьунуши,
Абыи тхьэм кьыхуищІэ¹¹.

Это все, что относится к [моей] здравице.
Для тех, кому она нравится,
О Аллах, сделай все, о чем сказано.
Но и тем, кому сказанное не по нраву,
Я тоже хочу пожелать «добра»,
Пусть Тха и для них сделает все, о чем я прошу!

Далее следуют насмешливо-бранные пожелания или проклятия. Поэтому традиционно заздравное вступление и пожелание добра приобретает пародийное звучание, когда сообщается одно, а подразумевается другое, когда формулы, взятые из контекста здравицы, переносятся, «трансплантируются» в ткань застольной брани.

То же самое относится и к концовкам проклятий, в которых зачастую злодею желают, как и в здравицах, богатых урожаям, бесконечно долгих лет жизни, повторяя, зачастую без всяких изменений, формулы, используемые для благопожеланий. Но ведь желают на самом деле богатых урожаев сорняка, за которыми даже не видно всходов проса. Точно такое же переосмысление буквального значения происходит в пожеланиях долгих лет жизни. Парадокс и комизм ситуации в том, как именно желают завистнику прожить эти бесконечно долгие годы: в забвении, нищете, лишениях, без всяких шансов на уважение и на улучшение условий существования. «Покинутый Богом и людьми» – таков вердикт, который выносит народная фантазия завистнику. Это едкая, язвительная ирония, переходящая в сарказм.

Мы видим, как в застольных проклятиях умело используются притворная благожелательность и притворное негодование. В первом из этих случаев притворство порождает смех, вызванный внутренним противоречием формы (орнаментальной рамки) и содержания инвективы. Но дело не только в этом. Явное, нарочитое противоречие между значением и смыслом высказываний устанавливает и поддерживает специфическую – озорную, праздничную атмосферу застольного общения. По воздействию на слушателей этот прием напоминает подмигивание, с помощью которого говорящий призывает относиться к его словам не так как обычно, а мобилизуя чувство юмора. Благодаря этому автор послания заявляет о себе как об эстетической, артистической личности. Переиначивая стандартное пожелание долгих лет жизни, он обязывает, принуждает завистника жить в предложенных ему невыносимых условиях вечно. И, как бы подмигивая, просит публику по достоинству оценить этот юмор.

Фактически, это особая, характерная для смеховой культуры разновидность поэтических тропов, близкая по своему значению к вышучиванию. Можно назвать такой троп «вербальным подмигиванием», сохранив, таким образом, его связь с известным мимическим знаком.

К сказанному относительно проклятий мучительно долгой жизни следует добавить некоторые особенности психологии адыгов, позволяющие лучше понять эстетизм таких формул. Дело в том, что жить до глубокой старости, когда твои сверстники уже ушли из жизни, когда забота о твоей персоне тяжким бременем ложится на родных и близких, считается не вполне приличным, а также и сущим наказанием для самого старца. Обычно по этому поводу шутят: *И псэ вакъэжъ щадежыху псэуаиц* – «Жил

до тех пор, пока его одряхлевшую душу не залатали кожей от старой обуви». Но в случае с застольными проклятиями мотив неприлично долгой жизни предстает в еще более острой трагикомичной форме. Оратор настоятельно просит, умоляет Бога продлить тяжесть условий существования завистника, желает жить ему в этих условиях бесконечно. Это считается еще более суровым наказанием, чем быстрая смерть. В конце одного из текстов так и сказано:

Насып мащІэу,
ГъащІэ кІыхъу,
Тхъэм куэдрэ игъэпсэу! ¹²

С малым счастьем,
И долгой жизнью,
Тха, дай ему долго небо коптить!

Как видим, продлить земную жизнь противника автор согласен с одним очень важным условием: превратив эту жизнь в ад уже на этом свете. Застольные проклятия строятся так, словно присутствие таких – слабых, несчастных, опустошенных, запуганных, нерешительных – завистников необходимо и полезно как живой пример их несостоятельности. Вполне понятна и другая подоплека такого поворота сюжета: чем больше продлится земной ад для злодея, тем жестче наказание, которое ему ниспослано сверху, тем очевидней для людей справедливость божьего суда и неотвратимость наказания зла. Это своего рода проклятие безрадостной и мучительно долгой жизни, в котором отражается стремление человека взять под свой жесткий контроль разрушительную силу зависти и зла, отвести этому пороку такое место в нашей жизни, которое не сможет помешать нормальному развитию личности и общества.

4. Ассоциации по контрасту. Семантическая асимметрия

В основе семантической асимметрии лежит упоминавшаяся ранее магия возврата зломыслия или злоречения. Предполагается, что, выслушав здравицу, в которой желают кому-либо благосклонности Бога, богатых урожаев, согласия в семье, авторитета в народе, завистник проговаривает мысленно или вслух прямо противоположные пожелания. Фактически это проклятия, в которых предполагаемый недоброжелатель говорит: «Да будет все наоборот: пусть лишится этот человек благосклонности Бога, уважения в народе, согласия и достатка в семье, пусть потеряет он свой урожай» и т. д. Такое разъяснение позволяет лучше понять логику застольных проклятий. По существу это ответ на злобные пожелания и пророчества завистников. Через застольную брань народная фантазия

возвращает завистникам их собственные проклятия, используя этот момент как художественный прием, как разновидность тропа, как повод для формирования самого жанра застольных проклятий.

В поэзии контраст является противоположностью симметрии. Он акцентирует внимание на различиях в пафосе отдельных стихов или стихотворных блоков, в способе художественного отображения действительности. Вот почему мы называем этот троп семантической асимметрией. В адыгских тостах он представлен как асимметризм желаемого будущего позитивных пожеланий здравицы и негативных пожеланий брани.

На контрасте, на столкновении пафоса здравицы с пафосом брани, на возвратной магии, наконец, строятся почти все сюжеты и образы застольных проклятий. Поэтому часто они «с точностью до наоборот» повторяют сюжеты и образы здравицы. Например, во многих тостах присутствуют красочно построенные ходатайства о дружных всходах на полях, о богатых урожаях, которые добропорядочный хозяин использует не только для умножения своего богатства, но и для приношений Богам, для помощи бедным, для проведения общесельских праздников. В дополняющих здравицу ритуальных проклятиях также поднимается эта тема, но теперь она решается в другом ключе – под диктовку возвратной магии. Завистнику желают дружных всходов и богатых урожаев, но не хлеба, а сорняков и крапивы, ср.:

Бэв кьептынум
И гъунитЫр хьэкъыршу
И кур шапсыранэ дэгуу¹³.

Если дашь ему богатый урожай,
Да зарастет он сорной травой по бокам,
И крапивой глухой в центре.

И опять это пожелания, указывающие на то, что зависть и зло обращаются (должны обернуться) против самих завистников и злодеев. Следствием зависти становится неурожай, отчаянная бедность, неприкаянность завистника, неспособность полноценно участвовать в повседневной жизни общества, соблюдая принятые и требующие определенных материальных затрат обычаи и ритуалы.

В аналогичных по содержанию текстах сюжет с богатым урожаем сорняков дополняется комического свойства деталями. Завистник, наклонившись, тщетно ищет всходы хлеба на своем поле. При этом давший обильные всходы сорняк выкалывает ему глаза, а густая крапива обжигает руки. Наконец, среди зарослей сорной травы и крапивы он находит слабые ростки проса, но они так малы, что не могут скрыть спины снующих по полю мышей. А чтобы еще больше усилить комический эффект

послания, год, оказавшийся для завистника таким печальным, называют урожайным, ср.:

Гъэ-мэш ищІэну губгъуэм щихъэм дей,
И хъэсэм и хъуреягъыр хъэкъыршыу,
И кур шыпсыранэу,
Зригъэзыхмэ и нэм къыщІэуэу,
ХэІэбэмэ и Іэр къысу,
Дзыгъуэ тхыщІэр щІимыгъанэу,
Апхуэдэ гъэ бэв
Абы Алыхъым къырит ¹⁴.

Если за урожаем проса в поле выйдет,
Пусть его надел весь в сурепках окажется,
В середине весь крапивой пусть зарастет,
Если [в поисках проса] наклонится, пусть его глаза повыкалывает,
Когда дотронется, пусть руки его обожжет,
Чтобы [ростки проса] спину мышей не покрывали,
Такой «урожайный» год
Аллах ему да пошлет!

Проклятия насылаются также на дом и семью злодея. Мотив неблагополучного дома занимает во многих образцах тостовых проклятий одно из самых важных мест. Безусловно, он противопоставляется мотиву благополучного, благоденствующего дома, который, как мы знаем, широко и разнообразно представлен в тостах. Иными словами, и здесь мы имеем тексты, в основе которых лежат ассоциации по контрасту. Чтобы убедиться в этом, воспроизведем один из показательных образцов такого послания, который по другому поводу упоминался в первой главе:

А у тех, кто, отвергнув наши пожелания,
Зло против нас затаил,
Чтобы на их чердаках хомяки рыскали,
Чтобы в их кунацкой двести мышей носилось,
Чтобы из ветхих одеял клочьями шерсть торчала,
Чтобы дети у них, клянча кусочек мяса, бегали,
Чтобы хрупким был каркас их арбы,
Чтобы колеса арбы были без ступиц,
Чтобы оси колес были кривыми,
Чтобы на двух мужчин была одна лошадь,
Чтобы на трех мужчин было одно гумно,
Чтобы гумно это было пустым,
Чтобы и собака не прижилась в их доме,
В доме покосившемся,
С вечно голодными обитателями,
Вшами покрытыми,
С застольем без напитков,
С очагом без огня,

Со скудной пищей,
С перепачканной мебелью,
Грязными, замызганными,
Жизнь, отмеренную им, пусть закончат! ¹⁵

Проклятия насылаются, как мы видим, на близкое и относительно стабильное жизненное пространство личности: социальное, предметное, психологическое. Все признаки этого пространства свидетельствуют о неблагополучии дома, домашнего хозяйства, семьи: 1) несчастливое и непрестижное месторасположение дома (в нижней части села, гиблое место, обиталище змей); 2) запущенность различных сегментов жилища (чердак, оккупированный хомяками, кунацкая, полная мышей, очаг без огня); 3) убогость внутреннего убранства комнат (грязная мебель, грязные и ветхие постельные принадлежности); 4) упадок хозяйства (пустое гумно, разваливающаяся без ступиц и с кривой осью арба); 5) бедность и одичание домочадцев (голодные, покрытые вшами, грязные, неопрятные, неумытые).

Дополняет эту удручающую картину отсутствие в доме собаки. Согласно сложившейся традиции, это плохой знак – символ бедности, неустроенности, семейного неблагополучия. Но наряду с таким обычным использованием данного символа вводится еще один утонченный вариант, когда собака все же имеется, но она заброшена, оставлена без внимания и потому обессилена настолько, что уже не в состоянии лаять: «Чтобы, если и есть у них какой-либо старый пес, бессильным залаять [на кого-либо] его сделай» – *Зы хьэжь яІэмэ, мыбэнэфу* ¹⁶. Такие формы семантического асимметризма постоянно используются в тостах, в честь дома и семьи. Например, в здравнице семье желают больших табунов лошадей, а в проклятиях не просто отсутствия лошадей, а наличия одной лошади на двоих мужчин (*ЛитІ зэуэшэу*), что воспринимается особенно комично ¹⁷. В других случаях признаком несостоятельности дома становится наличие одного топора на две семьи (*унитІыр зы уэшэу*), одного гумна на три семьи (*унищыр зы хьэму*), отсутствие зернохранилища (*хьэмэшыншэу*) ¹⁸.

Мы видим, что внимание оратора сосредоточено на доме в самом широком нравственно-экологическом смысле. А противопоставление образов благополучного (благоденствующего) и неблагополучного (пришедшего в упадок) дома настолько выразительно и очевидно, что могло бы стать предметом специального сравнительно-семиотического исследования.

То же самое касается противопоставления качеств, которыми наделяют своих «героев» в первой позитивной части тоста и во второй – негативной. Здесь также наблюдается резкий контраст. Так, хозяину дома, в котором проходит пир, желают доброй славы, признания, авторитета, ср.: «Чтобы славен был и именит, / Чтобы о доблестях его ходили леген-

ды, / Чтобы начиная их рассказывать, не могли закончить, / Чтобы закончив, вновь начинали...»¹⁹. Моделируемая в застольных проклятиях слава завистника, в отличие от этого, недобрая. Его, как мы убедились, представляют жалким, беспомощным, мелким воришкой, попрошайкой, человеком, не умеющим вести дела и организовать свой быт и потому лишенным уважения, доверия, авторитета. Особенно характерны и выразительны пожелания остракизма, мизерного социального статуса и капитала, ср.: «Чтобы двери его дома никто не открывал»; «Чтобы если на свадьбу отправится, / Остатками бульона его там угощали».

В таком же духе обыгрывается и противопоставляется тема старости. В здравицах человеку желают счастливой, спокойной старости, когда, говоря словами Цицерона, «жизнь, прожитая прекрасно в нравственном отношении, пожинает последние плоды в виде авторитета»²⁰. Дополнительно к всеобщему уважению это старость верующего человека, которого любит и осеняет добрым взглядом Создатель, умножая его нравственную силу, ср.:

Я лЫжЫфІхэм я мылькуфІхэм
Чэбэхъар[ж] хегъэх,
Я жьакІэпэ бырыбу,
Я сэрыкъыр бын пхъуантэу,
Я нэхъыщІэхэм унафэ хуащІу
Мэжджыт бжэІупэм къыІугъэнэж²¹.

Чтобы их старцы почтенные
Из их благом приобретенного имущества
Средства для хаджа (паломничества) выделяли,
Чтобы их бороны пышными были,
Чтобы их чалма оставалась их детям в наследство,
Чтобы младших своих наставляя,
У мечетей они восседали.

В застольной брани в отличие от этого представлен образ несчастливой, беспокойной, тревожной, безобразной старости, которая является для завистника наказанием за его грехи.

Фактически формулы неблагополучия, из которых строятся ритуальные проклятия, являются слепком (конечно, негативным) формул благополучия, широко и разнообразно представленных в здравицах. В этом направлении действуют, взаимно дополняя друг друга, стилистическая симметрия и семантическая асимметрия здравицы и брани. В результате такого взаимодействия текстов здравицы и брани, благодаря множественности переливчатости основанных на этом смыслов и создается целостная картина жизненного мира, в котором, заручившись поддержкой Богов, люди овладевают желаемым будущим, побеждают зло.

5. Гротескно-комическое изображение зависти

Обычно карикатурному представлению завистников и членов его семьи в застольных проклятиях отводится большое место. И мы уже говорили об этом. Прежде всего просят Бога о том, чтобы он сделал завистника узнаваемым по его ужасному, отвратительному физическому состоянию и облику: худым, истощенным, морщинистым, с явными отклонениями в форме головы, рук, ног, живота, в манере передвигаться, есть, пить, одеваться. Для этого используются иногда сравнения, перерастающие в буффонаду. Например, говорят: *О Аллах, кто зло [против праздника] затаит, / Чтобы как стекло гладким [нищим], / Чтобы как бурдюк надутым, / Чтобы как мяч, погоняемый носками ног, / Аллах таким навеки его да оставит!*»²²

В этом и во всех других подобных случаях завистника желают превратить в смешное, слабое и жалкое существо. Смысловой доминантой гротескных образов застольной брани является пророчество бессилия и недееспособности врагов и недоброжелателей. Их изображают разлагающимися от старости рептилиями, монстрами, питающимися глиной, колючками облепихи, травой пастушьей сумки, бедолагами, бегущими от спущенных на них собак, неудачниками с выбитыми зубами, с глазами, тоскливо ищущими, чем поживиться. Точно так же представляют членов их семьи: легкого поведения мать, никому не приглянувшаяся вековуха сестра, вечно голодные, босые и грязные дети в рубашках из мешковины, шатающаяся в поисках еды жена, непричесанная, болтливая невестка и т. п.

Особо выделяются гротескные образы химерического, растительно-звероподобного свойства, когда для создания комического эффекта причудливо изменяется облик завистника (конструктивная форма эстетического объекта). Во второй главе мы уже приводили пример застольного проклятия, построенного целиком на такого рода образах. И там специально выделена просьба сделать завистника ни на кого не похожим (*зэцхъ ицымьIэу*): с головой не то кота, не то собаки, с заячьими ногами и т. д. В качестве дополнения к этим примерам приведем адыгейский вариант данной инвективы:

Ахэр зымыдэу,
ЕкIэ сиужь кьихьэрэм,
ЫтхыцIэкIэ зекIоу,
ЫнэгукIэ залъэу,
ЗыIупльэрэр ыгъаштэу,
ЕтIэгъо ныбэу,
Шхэгъорыбэгэу,
Шорэир ылъакъоу,
КIэмышкъэир ыкопкъэу

ІабыльэбрыкІоу,
ЗэлъымыкІожъэу,
ЯІэлахъ, о шЫ! ²³

Того, кто с этим [с пожеланиями здравицы] не соглашаясь
И зло затаив меня преследует, –
На спине ползающим,
С лицом, испещренным морщинами,
Пугающим одним своим видом и взглядом,
С животом желтой глиной набитым,
От [такой] еды распухшим,
С ногами из [стебля] конского щавеля,
С бедрами из высохших стеблей конопли,
На четвереньках передвигающимся,
Несуразным, зачуханым,
О Аллах, прошу тебя сделать!

Перед нами растительно-звероподобное, иссохшее, обессиленное существо, которое передвигается как четвероногое животное, ползает, как змея, питается глиной. В гротескном мире застольных проклятий завистник превращается в химеру, в «смешное страшилище». Оно было когда-то действительно опасным, но теперь наказано, унижено, поставлено на место и потому никого не страшит. Но зато веселит, вызывает смех. Правильно сказано, что в случаях, когда гротеск доводит ужасное и уродливое до крайней степени, оно переходит в свою противоположность – становится смешным ²⁴. Это тот, хорошо описанный М.М. Бахтиным случай, когда вступая в гротескный мир, «мы ощущаем какую-то особую веселую вольность мысли и воображения» ²⁵. Химерические образы застольных проклятий вызывают смех и радость победы, не оставляя места не только для страха, но и для жалости к поверженному (смехом, творческой фантазией) врагу.

Среди других аналогичных примеров выделяется упоминавшееся ранее послание, где завистнику желают превратиться в девятилетнюю ящерицу, которая бьется в конвульсиях, не будучи в состоянии сдвинуться с места:

Прыгая вперед,
Тотчас назад отлетая,
Достигшей девятилетнего возраста ящерицей,
Аллах всемогущий пусть его оставит! ²⁶

Смысл такого сравнения можно понять, лишь приняв во внимание, что обычно ящерица живет не больше семи лет. Здесь же речь идет о девятилетнем возрасте, то есть о возрасте запредельного истощения и дряхления, когда ящерица-завистница еще жива, еще полна ненависти и желания принести вред. Но сил для этого у нее уже нет, она теряет спо-

способность передвигаться, и, разлагаясь, покрывается слизью, становится отвратительной на вид, обнаруживая, раскрывая таким образом свой омерзительный внутренний мир. Тщетны и комичны попытки ящерицы сдвинуться с места. Получается почти как у Козьмы Пруtkова: «несусь не двигаясь вперед». Вдобавок ко всему автор послания просит оставить его в таком беспокойном и жалком состоянии навсегда. Это гротеск весьма характерный для общей направленности застольных проклятий. В нем сочетаются образы гниющего тела, безобразной, мучительной и вечной старости, которые символизируют жестокое наказание носителей зависти и зла.

Продолжением «деформационно-сатирического» изображения завистника являются, кроме того, комические сцены, в которых еще более выпукло представлена закоренелая глупость, несостоятельность, неблагонадежность завистника. Это описанные выше сцены мелкого и неудачного воровства, использования серпа вместо ножа, постоянных конфликтов, ссор, драк с домочадцами, соседями, односельчанами. Не повторяя и не умножая эти примеры, отметим, что разоблачающая сатирическая сила гротеска используется в застольных проклятиях блестяще и в максимальной степени.

6. Скрытая самокритика и самоирония

В сложном переплетении этико-эстетического объекта и предмета рождается скрытая самокритика и самоирония застольной брани. Возникает ощущение, что в принципе автор послания и себя самого не исключает из числа тех, над кем смеется, признавая и за собой склонность завидовать счастью и успеху других людей. Момент легкой, едва уловимой самокритики и самоиронии незримо присутствует во всех образцах застольных проклятий, подтверждая тезис М.М. Бахтина о характерной для народно-праздничного смеха его направленности на самих смеющихся.

Показательно, что автор послания не ставит перед собой задачу вызвать описанное неблагополучие в реальной действительности. Он только раскрывает всю неприглядность, бессмысленность и банальность зла. И бранит своего оппонента он нарочито условно, в целях умственной гигиены и профилактики – для отрицания, предупреждения зла, для воздействия на сознание и поведение всех присутствующих. Поэтические проклятия как бы напоминают и предупреждают, что зависть существует, и никто не застрахован от этого чувства.

Постижение внезапно открывшегося несовершенства незримо, за кадром ритуального действия, присутствует в застольных проклятиях. Это жанр, в котором ирония как способ отрицания зависти и зла является не демонстрацией превосходства говорящего над героем послания, а симво-

лом гуманистической целостности человека. Смех направлен не только во вне – на эстетический объект (завистник) и предмет (зависть). Он имеет и обратное направление, воздействуя на сердце и разум субъекта. Это особая и наиболее демократичная форма смеха, характерная для подлинно народной культуры. Ирония, если она не является самоиронией, лишается «аромата» свободы, объективности и полноты восприятия мира.

Ощущение такой свободы и объективности в застольных проклятиях порождает карнавальный смех. Застольные проклятия вскрывают и бичуют все, что мешает человеку жить и наслаждаться жизнью. Но эта критика лишена раздражения, гнева, уныния. Преобладает, лучше сказать – доминирует, уверенность в том, что препятствия на пути к счастью преодолимы. Такую уверенность придает оратору и его аудитории сам факт разоблачения, развенчания зависти и зла и не только в других людях, но и в себе самом. Он радуется, заражая своим смехом, своей иронией и самоиронией всех присутствующих. Это победный, ликующий коллективный смех, проникнутый твердой уверенностью в собственных силах, в способности преодолеть смертный грех зависти. Лишенные аффектации, полные тонкого народного юмора, застольные проклятия органично вписались в систему застольного общения и смеха.

¹ Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 48.

² Эту мысль, неоднократно высказывавшуюся отечественными фольклористами, нельзя абсолютизировать. К.В. Чистов, на авторитет которого в связи с этим ссылаются, не зря подчеркивал, что эстетическая функция фольклорных текстов подчинена практической – обычно, следовательно, не всегда. – Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 287.

³ Чуковский К. Нат Пинкертон // Собр. соч. М., 1969. Т. 6. С. 118.

⁴ Беканов Гид Машевич, 1886 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария.

⁵ Кабардов Мурадин Фаблович, 1887 г.р., сел. Дугублугей, Кабардино-Балкария.

⁶ Барт Р. Избранные работы. Семиотика и поэтика. С. 462–518.

⁷ Кясова Унат Абубовна, 1906 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Фоноархив КБИГИ. Пор. № 279. Инв № 704-ф/1.

⁸ Дышеков Якуб Псабидович, 1881 г.р., аул Зеюко, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 10.

⁹ О специфике стилистической симметрии см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 168–176.

¹⁰ Этлигов Магамет Жанхотович, 1890 г.р., аул Вакожиле, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп.1. Ед. хр. 16. Пасп. № 13.

¹¹ Беканов Гид Машевич, 1886 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. Пасп. № 24.

¹² Адыгэ IуэрыIуатэхэр. (Адыгский фольклор). Налшык, 1963. Т. 1. С. 59.

¹³ Сонов Мухаммед Хажмурзович, 1913 г.р., сел. Каменомостское, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ед. хр.1. Пасп. № 17.

- ¹⁴ Темиров Х.Б., 1923 г.р., аул Хумара, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 30.
- ¹⁵ Тутов Шеретлуко, 1886 г.р., сел. Малгобек, Северная Осетия-Алания // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 27.
- ¹⁶ Иванов Хажмурат, 1906 г.р., г. Нальчик, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 4.
- ¹⁷ Тутов Шеретлуко, 1886 г.р., сел. Малгобек, Моздокский р-н, Северная Осетия-Алания.
- ¹⁸ Темиров Х.Б., 1923 г.р., аул Хумара, Карачаево-Черкесия.
- ¹⁹ Тамбиев Хаблаца Нухович, 1870 г.р., сел. Кахун, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 14.
- ²⁰ Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 1975. С. 23.
- ²¹ Хасанов Камбот Салихович, 1866 г.р., с. Псыгансу, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. Пасп. № 18.
- ²² Темиров Х.Б., 1923 г.р., аул Хумара, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 30.
- ²³ Мастафов Калашау, аул Джеракай, Адыгея // Архив АРИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 43. Пасп. № 202.
- ²⁴ Шестаков В.П. Эстетические категории. Опыт системного и исторического исследования. М., 1983. С. 246.
- ²⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 343.
- ²⁶ Тхапшоков Алий, 1900 г.р., аул Кургоковсий, Успенский район, Краснодарский край // Архив КЧИГИ. Ф. 4. Оп. 23. Ед. хр. 19. Пасп. № 2.

УКРОЩЕНИЕ ЗАВИСТИ

(Послесловие)

В этой книге мы предложили свое, главным образом, этико-эстетическое видение застольных проклятий. По существу заново открывается забытый или полузабытый жанр поэтического насмешливо-бранного дополнения к здравицам и становится очевидным, что объективно застольные проклятия представляют для исследователя народной поэзии не меньший, а в некоторых отношениях даже больший интерес, чем позитивные пожелания здравицы.

Впрочем, отделять инвективу зависти от здравицы едва ли правомерно. Застольные проклятия оформлены в целом как составная и неотъемлемая часть тостов, как логическое продолжение благопожеланий, как дополнительное усилие, которое прилагает человек для достижения желанного, позитивного результата. Самостоятельного этнографического значения, выходящего за пределы застолья, они не имеют и проклятиями в собственном смысле слова не являются. Но зато далеко за рамки ритуала произнесения тоста выходит общечеловеческое, философское значение застольных проклятий. Инвектива зависти и зла в составе адыгских тостов – речевой жанр с большим спектром дополняющих друг друга свойств и значений; множественность, переливчатость смыслов художественного произведения в высшей степени характерна и для застольных проклятий. Об этом свидетельствует уже тот факт, что проклятия, лежащие в основе инвективы, можно с успехом назвать тостовыми, ритуальными, магическими, фантастическими, сатирическими, комическими, поэтическими, этическими. Каждый из этих вариантов названия акцентирует внимание на отдельных свойствах текстов, создавая целостную картину структурно-функциональных особенностей жанра.

При всей парадоксальности застольных проклятий представленный в них собирательный образ человека смешного в своей низости хорошо известен в мировой философии и литературе. Ирония в таких случаях позволяет рассказать об уродливом, глупом, ужасном так, чтобы все это не отталкивало, а вызывало смех, помогало лучше понять банальность,

нелепость, бесперспективность зла. Это один из главных эстетических принципов, которым руководствовались в своем творчестве еще древние греки, особенно философы-киники.

В лучших традициях эстетического видения и отрицания зла выдержаны и тексты застольных проклятий. Более того, устное народное творчество адыгов существенно дополняет и обогащает богатую традицию художественно-иронического разоблачения зла. Это сделано, во-первых, на таком оригинальном материале, как брань, ругательство, проклятие, а во-вторых, на удивление широко, размашисто и артистично. Негативные художественно-иронические пожелания в адрес воображаемых противников тоста только повышают значимость и действенную силу ранее высказанных позитивных пожеланий. Вскрывая несостоятельность и нелепость зла, подвергая его осмеянию, они расчищают путь к удаче, вселяют в участников пиршества уверенность в победе добра над злом. Возникает, вследствие этого, характерное для праздника предощущение успеха, самореализующегося пророчества добра.

Отсюда общий настрой застольной брани – возвышенный, близкий к патетике здравицы, хотя прямо противоположный ее серьезности. Единство тоста, как устно-поэтического произведения, достигается за счет сохранения в инвективе характерных для здравицы средств и приемов звуковой организации послания: ораторский стих, регулярное использование подхватной рифмы, синтаксический параллелизм и т. д. В итоге сохраняется заданный здравицей пафос тоста. Человек произносит застольные проклятия точно так же, как и слова здравицы, а главное – во имя здравицы. Произносит так же торжественно, серьезно, сосредоточенно, но рассчитывая, тем не менее, на комический эффект, органически связанный с природой праздничного застолья и смеха, с радостным ожиданием исполнения блага, заявленного в здравнице.

Последний момент очень важен. Застольные проклятия, кроме того что они глубоко философичны, отличаются еще и тем, что облачают самые важные и серьезные проблемы бытия в легкую изящную форму шуточного, снисходительно-юмористического послания. Принцип «серьезно-смешного», не разрушая единства художественной формы тоста и сохраняя в полной мере эстетическое видение безобразного, позволяет придать застольным проклятиям познавательно-этическое направление. Отсюда мягкая, изящная манера ругать, проклинать, которая сродни высокой поэзии в духе Роберта Бернса, Франсуа Виньона. В сущности, в тостовых проклятиях злодея, недоброжелателя не столько ругают и проклинают, сколько высмеивают за его неразумность и несостоятельность.

Но глупость, как известно, еще более опасный враг добра, чем зависть и злоба. И поэтому в застольных проклятиях избирается самый верный способ борьбы с этим врагом – гомерический смех. Разоблачение, прео-

доление, развенчание зла – вот главная задача, которую выполняют ритуальные проклятия. Решение этой задачи в яркой игровой манере создает большой простор для творческой фантазии. Так же, как и в случае с позитивными пожеланиями здравицы, ритуальные проклятия становятся упражнениями в красноречии с использованием самого яркого и живого вида стиха – ораторского.

Такая направленность жанра способствует как будто бы его почти полной секуляризации, усиливая, обогащая вместе с тем (а иногда и за счет этого) эстетические и этические функции и характеристики текстов. Застольные проклятия, как мы убедились, сродни высокой поэзии. Они полны изящества и тонкого юмора, и вся эта словесная пышность рассчитана на то, чтобы, воздавая завистнику по заслугам, заставляя его пыхтеть и отдуваться, вызвать смех публики. По замыслу застольной брани это критический, уничтожающий, но одновременно веселый, радостный и жизнеутверждающий смех. В нем обнаруживается стремление показать через комически-уродливое и низкое все грани, всю полноту банальности и неприглядности зависти, дополнив эту картину уверенностью в том, что люди способны укротить, обуздать это тяжелое, неприятное чувство.

В конечном итоге такое представление зависти становится составной частью «эстетики нравственности» и придает чувственно-материальную художественную форму моральному отвращению. Фантастическое и волшебное причудливо переплетается в застольной брани с натуралистическими, реалистическими описаниями мельчайших деталей быта, психологии, образа жизни завистников, что сближает застольные проклятия с произведениями так называемого магического реализма.

Благодаря сохранившимся текстам запечатленные в них способы художественно-сатирического, этико-эстетического отрицания зависти и зла остаются объективно достоянием адыгской и мировой культуры. Ничего не меняет в такой оценке застольных проклятий даже факт забвения самой традиции бранно-насмешливого дополнения к здравице. К тому же, опираясь на сохранившиеся воспоминания и знания о процедуре исполнения застольных проклятий, эту традицию легко возродить, что, кстати, было бы полезно во всех отношениях: для усвоения тонкостей поэтического языка и развития красноречия, для украшения застолья и поддержания застольного веселья и смеха. Не следует забывать о том, как важна роль фольклора, устно-поэтической традиции застольного общения в решении этических проблем сегодняшнего дня. Все мы нуждаемся в специальных знаниях, помогающих нам в нашей профессиональной деятельности. Но красноречие, навыки правильной, яркой успешной коммуникации нужны каждому.

Возрождение традиций застольного красноречия, если оно состоится в полной мере, придаст новый импульс процессу самоочищения, станет

свидетельством того, что мы пытаемся справиться с завистью и злом, с каждым из семи смертных грехов. В малом обществе, каким является адыгское, и, в частности, кабардинское общество, уместно и актуально использование всех имеющихся средств, способных остановить, минимизировать разрушительное действие зависти. Еще в XIX веке в разгар Кавказской войны на это указывал А. Кешев, предупреждая, что в противном случае «род адыгский ... погибнет ... не от чужой руки, а от собственной».

Вызывая моральное, этико-эстетическое отвращение к зависти, застойные проклятия возвращают к добру, заставляют заглянуть в собственную душу. А она, по признанию всех, кто всерьез задумывался над этим, никогда не была полностью свободна от зависти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уий, Алыхь!
Мыбы мураду ящIар кьегъэхъулIэ!
Миныр ущу,
Щийр джэгуу,
КъыпыджэгукI-ныпыджэгукIхэм
Нысэ-гушыIэхэр хащIыкIыу,
Гуэлыжъым хуэдиз я гъэшү,
Шэрхъыжъым хуэдиз я кхъуейуэ,
Я нысащIэхэм гъэшүр зэрахъуэ,
Шатэр зезыхъэр я фызыжхэрауэ,
Ялэхъ, гъэ минкIэ фIыгъуэ яIэу,
Тыншыгъуэ яIэу гъэпсэу!

О Аллах!
Цель, которую эта семья поставила, дай ей достичь!
Чтобы тысяча [голов] резвилась,
Восемь сотен играли,
Чтобы из числа играющих
Свадебные пиры устраивали,
Чтобы громадным озером было их молоко,
Чтобы гигантским колесом был их сыр,
Чтобы их невестки исправно молоко доили,
Чтобы их старушки с молока сметану снимали.
О Аллах, тысячу лет, все блага имея,
Привольно дай им жить!

*Балов Темболат Карачаевич, 1897 г.р.,
сел. Сармаково, Кабардино-Балкария*

Уэ, дэ ди Тхьэу, Тхьэшхуэ,
Дэ дызыгъэгүшхуэу ди Тхьэгъэлэдж!
Джэджьей быну дыбагъуэу,
ЗэгъунэгъуитІыр дызэджэу,
Джаурыжь насыпыр Іэрылтхьэу,
Адыгэ нэмыскІэ дыбжьыфІэу,
Фэягъ и щыщи тхэмылтыу,
Ди лъхугъэр бащэрэ щэуэфІыу
ФІэрафІэу цоІэгъэр псэуэгъуу,
Гъатхэу дызытехьэр узыншэу, –
Ялыхь дыгъэпсо!
Вэбдзэпэ уэгъурэ
ВэгъуэкІэ уэшхыу,
Зэрыгъэсысыу къэкІырэ
ЗэрыгъэкІийуэ дыпщІэу,
ІэнатІэу ІутщІэм дигур хигъахъуэрэ,
Хъуэхъуу къыджаІэри бэкІэ къытлгысыу,
Уардэ унэжырэ
Пхъэжь мафІэр ди жьэгү имыкІыу,
Ялыхь, дыгъэпсо!
Шы укІыныри диІэхэрэ,
Арыхэс дыджэгүу,
Хугу лъэсар хьэлыгъуэрэ,
Анэр гуфІэу къыдэгү,
Мэрэмэжьейу фэдэфІыр
КІадэкІэ зетхьэу ди куэдү,
Дарииху Іэщхьэр бырыбыу
Бащэу цоІэгъэр ди нысэу,
Ди фадэщІэр мыгъущырэ
Щауэр итшыжым бжьэр ттыжыу,
ЩІалэ-гъуалэр дгъэгүшхуэрэ
Ди нысашэр зэпымыууэ,
Унэрыхьэр гүнэсырэ
Ди псэр тыншыу, дыригуфІэу,
Фадэм хуэдэу Іуцащэрэ
Щынэм хуэдэу Іуцабэу,
Джэдым хуэдэу быныфІэрэ

ШыфIым хуэдэу цIэрыIуэу,
ХьэфIым хуэдэу сакъыфырэ
Анэ бгъафэу гу щабэу,
Ялыхь куэдырэ дыгъэпсэу!
Ялыхь ахуэдэ нысэри къыдэт.
– У-у-у, я Iэлыхь!
Хьэтыр тщIэнкIи дыжумарту,
Тыгъэу тщIыми дыщIэмыфыгъужуу,
Жырыпсэу быдэу Къэбэрдейр дыгузыншэу,
Ди вы гъашхэр епхарэ
Ди мэш пхырыр къытхуэмыIэту,
Мэкъу Iэтищэр ди хьэвэрэ
Ди гъавэ бэвыр тшхыжыфыу,
Ялыхь ди гъащIэр дыгъэхь!

Ар зи жагъуэм,
И унагъуэбжэр зей зэIуамыхуу,
«Хэхэсц» хужалэрэ ар ирахъуэну,
Янэр вакъэ лъэмбыIурэ
И щолэгъэр хуэбыIуэ-бышэу,
Уэршэр яыхьхэрэ нэмыплъ кърату,
Сэджыт къратымкIи иримыкъухэу,
Къэрэкъурэ зэрипхырэ,
Пхыр къидыгъуу яубыдуу,
Удын бзаджэ ирадзырэ
И дзэщхьэлыри Iуагъащхьэу,
И щхьэр нэмысыншэрэ
И шхыныр къемэщIэкIыу,
И унэжь тIэкIур хуэпхашэрэ
Хьэпшырым хуэдэу нэцIакIуэу,
ЩIакIуэ ныкъуэр и тепIэнырэ,
И анэжьми лIы зэришэрэ
Шыпхъужь иIэм ямышэххэрэ
Хадэ щIэгъуэм Iэпэ шыну,
Ялыхь и дунейр егъэхь!
Гуэншэрыкъ гъурыр хуэзэврэ
Гъавэ и гузэвэгъуэ хэмыкIыу,
И IурыкI е тетрэ
Къыратыри къырахъуэныжу,
И жэгъуэгъур къыщыгуфIыкIрэ
«KIуэрыкIуэсыжъкIи» зэрашэу,
И сабий мэжалэрэ
И адэжь лIэмэ хьэдэIусыншэу,

Унэишэм яхыхьэмэ
Ыхьэу кьылтысыр лэпсыкIэу,
И щхьэгъусэр кIэ лалэрэ
«Лал» енэцIыу кьиджэдыхьыу,
Хьэрэмышхыу,
Ишхыр имыпшыныжу,
Наджэ-Иуджэу
Ныбжьэгъу кьыкIэлъымыджэу,
Iэшэу, лъашэу,
Iушэу, нашэу,
Дэгүү, бзагүэу,
Нэфу, хьэфизу.
Ялыхь куэдрэ гъэпсэу!

О наш Тха, Тха Великий,
Жизненной силой нас наполняющий, наш Тхагаледж!
Дай нам, как цыплятам, размножиться,
Чтобы друг друга радостно мы окликали,
Чтобы счастьем неверных нас судьба одарила,
Чтобы славились нашей адыгской воспитанностью,
Чтобы никакой скверны в нас не было,
Чтобы храбрых отпрысков у нас было множество,
Чтобы бескорыстные женщины были женами,
Чтобы грядущие весны были урожайными –
О Аллах, дай нам так жить!
Чтобы в начале пахоты было дождливо,
Чтобы весело колыхаясь, [злаки] росли,
Чтобы весело переговариваясь, мы [землю] пололи,
Чтобы каждый участок нас радовал,
Чтобы все здравицы в наш адрес сбывались, множась,
Чтобы дома [наши] дворцами стали,
Чтобы огонь из старых дров в наших очагах никогда не гас –
О Аллах, дай нам так жить!
Чтобы лошадей убойных мы имели,
Чтобы в арыхес* мы играли,
Чтобы промытое пшено рассыпчато-вкусным [было],
Чтобы матери весело нас одаряли,
Чтобы марамажей** – дивный напиток
Бочки наши переполнял,
Чтобы бело-парчовые рукава [были у наших женщин],

* Арыхес (или арыхъ) – детская игра, вид читика.

** Марамажей – национальный хмельной напиток из пшеного сусла и меда.

Чтобы многие женщины нашими снохами [были],
Чтобы дно наших чаш [никогда] не высыхало,
Чтобы новобрачного заздравной чашей встречали,
Чтобы молодежь мы воодушевляли,
Чтобы свадьбы у нас не прекращались,
Чтобы невестками мы довольны [были],
Чтобы души у нас спокойны и веселы [были],
Чтобы они [невестки] как хмельной напиток шептались,
Чтобы словно ягнята ласковы [были],
Чтобы как наседки многодетны [были],
Чтобы имениты были, как славные скакуны,
Чтобы сердца их были нежны, словно материнская грудь, –
О Аллах, дай нам долго так жить!
О Аллах, таких невесток нам пошли!
О-о-о, Аллах!
Дай нам [силы] щедро людей одаривать,
Чтобы о даренном не жалели,
Чтобы души имели стальные,
Чтобы у всех в Кабарде было здоровье стальное,
Чтобы волы откормленные стояли на привязи,
Чтобы снопы проса были тяжелыми, неподъемными,
Чтобы сотни стогов сена [у нас] было,
Чтобы своим богатым урожаем мы насладились,
О Аллах жизнь нашу дай нам так прожить!

А тому, кому это не по нраву, –
Чтобы в двери его дома никто не заходил,
Чтобы чужаком его обзывали,
Чтобы мать его ходила в стоптанной обуви,
Чтобы дом у него покосившимся был,
Его жена уродкой пусть будет,
Чтобы люди на него с презреньем смотрели,
Чтобы подачками для бедных не наедался,
Чтобы сушняки связанные собирал,
Чтобы его ловили снопы ворующим,
Чтобы его ударами жестокими осыпали,
Чтобы его коренные зубы повыбивали,
Чтобы он неуважаемым был,
Чтобы пищи ему [всегда] не хватало,
Чтобы его старый дом кособоким стал,
Чтобы словно щенок жадным был,
Чтобы пол-бурки ему одеялом служило,
Чтобы его мать любовников заводила,

Чтобы сестра его вековухой оставалась,
Чтобы во время весенних работ ее пальцы нарывами покрывались,
О Аллах, свою жизнь пусть он так проживет!
Чтобы в засохших чувяках его ногам было больно,
Чтобы нехватка хлеба всегда его мучила,
Чтобы его слово [всегда] зло несло,
Чтобы подарками его попрекали,
Чтобы его недруги радовались его бедам,
Чтобы предателем его называли,
Чтобы дети его голодали,
Чтобы если отец его умрет, то без поминок оставался;
Чтобы если на свадьбу пойдет, –
Остатками бульона его угощали,
Чтобы юбка его супруги мешком на ней сидела,
Чтобы зарясь на мясо она бродила;
Чтобы он [часто] ел запретную пищу,
Чтобы съеденное не возмещал [никогда];
Чтобы люди с презрением на него смотрели,
Чтобы не было у него друзей, его окликающих,
Колчеруким, колченогим,
Кривым, косым,
Глухим, немым,
Слепым, незрячим.
О Аллах, так пусть он долго живет.

*Хамдохов Таукан (Иванов Хусейн Ельмурзович, 1914 г.р.),
сел. Ст. Черек, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.

Абы кѣфыгъуэныр,
 Абы кѣеижныныр,
 Ар зи жагъуэр,
 Мыгъуэ ухъу,
 Гущэ ухъу,
 Шыгъуэ бэгъуу,
 Шы бэгъу шууэ,
 Къэлътмакътыщхэм ирилъхъэр
 КъэлътмакътыпхэмкІэ кѣихужу,
 ЩІэкІмэ къанжэр кѣйтекІакІэу,
 КѣыщІыхъэжмэ фызыр кѣйтекІеу,
 Ежъэмэ и шыжъыр лІэуэ,
 КъекІуэлІэжмэ и фызыжъыр лІауэ кѣрихъэлІэжу,
 И вакъэжъым шэбий кѣилэлү,
 И сабийхэм «лал» жаІэу кѣажыхъу,
 Къренэ, къэунэ!

Тот, кто этому позавидует,
 Кто зло затаит,
 Кто воспримет это враждебно,
 Чтобы жалким стал,
 Чтобы беспомощным стал,
 Чтобы похож был на рыжую, покрытую болячками клячу,
 Чтобы на рыжей, покрытой болячками кляче ездил,
 Чтобы все, что положит в дорожную сумку сверху,
 Снизу из нее выпадало,
 Если выйдет из дома, чтобы сорока с криком над ним кружилась,
 Если зайдет в дом, чтобы жена на него с криком бросалась,
 Если отправится в путь, чтобы конь под ним сдох,
 Если вернется домой, чтобы жену свою на смертном одре застал,
 Чтобы из старых его ноговиц сено торчало,
 Чтобы дети его голодные, выпрашивая мясо, бегали,
 Таким пусть [навсегда] останется!

*Кясова Унат Абубовна, 1906 г.р.,
 г. Чегем I, Кабардино-Балкария //*
Фоноархив КБИГИ. Пор. № 279. Инв. № 704-ф/1.

Ар апхуэдэу щымытащэрэ[т] жызыІэnum
 ВыжытІ иІэмэ нэтІацэу
 Къуацэ гулъэ къахуэмышэу,
 Мэкъу къэшакІэ ерыщу
 Іэбжъанэ нэфу,
 Ди унафэкІэ псэууэ,
 Гъэмахуэм гъэшыншэу,
 ЩІымахуэм джэдыгуншэу,
 И лъэщІэсым хъэ[н]дыркъуакъуэ щыкІакІэу,
 И уэршэку и кІэтІий къилэлэу,
 Мыгъуэ-мылІэу,
 МылІэ-мыпсэууэ,
 И гъащІэ псоур егъэхь!

Тот, кто скажет «Да не сбудется это»,
 Его волы лохмолобыми да будут,
 Чтобы воз хвороста вести они бессильны были,
 Чтобы на готовое сено охочи были,
 Чтобы его палец без ногтя был,
 Чтобы нашими указаниями жил,
 Чтобы летом без молока [оставался],
 Чтобы зимой без шубы [ходил],
 Чтобы в его кладовке лягушки квакали,
 Чтобы из его матраса кишки повылезали,
 Не живым, но и не мертвым,
 Не мертвым, но и не живым
 Пусть остается на этом свете!

*Дышеков Якуб Псабидович, 1881 г.р.,
 аул Зеюко, Карачаево-Черкесия //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 10.

Ар ифIэмыфIу зи жагъуэм
 И гъунэгъуитIыр и бийуэ,
 И фызыр и бийрэ мыпсалъэу,
 ЩIы гулъ зыгъэбатэм ехъуапсэу,
 ПсэукIэ мыщIэу,
 Ишхыр фIэмащIэрэ
 ИщIэр фIэкуэдү,
 Кхъуей кIэдащхъэ тезышым
 И шыпс ар енэцIу,
 И сабийхэр нацIэ-IуцIэрэ
 Лъакъуэ фIыщIэ ныбэкъыу,
 Къарэкъурэр я бжэIулъэрэ
 ШапцIэр я бжэ лъэмбу,
 Я вэкъэжъ лъэмбыIурэ
 БыIуэ-бышэу урам дэту,
 Ялыхъ къэгъанэ!
 Уо ялыхъ!
 Я унэжъыр хуэпхашэу
 Шындэбзийри пыфыкIау,
 КIэ ебзыжъыр я гуащэу
 Куащэ-къищэу яубу
 Бын къыхуалъхум къэп джанэу,
 Джани имыдыфу
 Идыф тIэкIур игъэуфIейуэ,
 Езыр фIейм щIэнакIэ щхъэкIэ
 Нэхъ щIэнэкIалъи щымыIэххэу, –
 Ялыхъ куэдрэ гъэпсо!

А у тех, кому сказанное не по нраву:
 Чтобы врагами были их соседи [и справа, и слева],
 Чтобы жены с ними враждовали и не разговаривали,
 Чтобы тем, у кого земля плодovита, они завидовали.
 Чтобы сами при этом жить не умели,
 Чтобы казалось им, что слишком мало они едят
 И слишком много работают,
 Чтобы, увидев, как открывают кадку с сыром,
 [С вожделением думали], выпить бы хоть сыворотки,

Чтобы дети их ненасытными были,
Черноногими и пузатыми,
Чтобы их задвижки дверные были из стеблей сухой травы,
Чтобы порогом дверным – трава латука,
Чтобы в стоптанной обуви [ходили],
Чтобы как каракатицы по улицам шатались,
О Аллах, такими их сделай!
О Аллах!
Чтобы их старый дом сзади осел,
Чтобы по бокам сгнил,
Чтобы хозяйка дома ходила в юбке, [запачканной] навозной жижей,
Чтобы все [соседские женщины] зло судачили о ней,
Чтобы родившиеся дети ходили в рубашах из мешковины,
Чтобы рубашку не умела шить,
Чтобы то малое, что сшила, было негодным,
Несмотря на осуждение тех, кто неопрятен в быту,
Чтобы сама была по уши в грязи, –
Дай, Аллах, ей так долго прожить!

*Таов Бахситджарий, 1882 г.р.,
сел. Малка, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИэ Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 2.

А псори хъуэхъущ,
 Ар зыфIэфIым,
 Ялыхь, къытхуэщIэ ар!
 Ар зыфIэмыфIымикI
 ТIэкIу сехъуэхъунуци,
 Абыи Тхъэм къыхуищIэ.
 Ялыхь, ар гъуэгъу мыгъуэ егъажъэ,
 Ежъэмэ и шыжъыр гъалIэ,
 КъекIуэлIэжмэ и фызыжъыр лIауэ къыIутъэщIэж!
 Езыр Къуэшырыкъуей дэсу,
 И пэпсыр къижу,
 Тутынафэ гъулэу,
 Джэдыгулэ гъуру,
 ЩIэкIамэ къанжэр къытекIакIэу,
 КъыщIыхъэжамэ и фызыжъхэр къытекIиеу,
 И тепIэным бацэр къилэлэу,
 И сабийм «лал» жаIэрэ къажыхъу,
 УнитIыр зы уэщу,
 Унищыр зы хъэмэ,
 Хъэмыншэу хъэншэ унэу,
 Гъубжэр и сэу,
 Сэм иуIэу,
 Ялыхь, гъащIэр егъэхъ.

Это все, что относится к [моей] здравице,
 Для тех, кому она нравится,
 О Аллах, сделай все, о чем сказано!
 Но и тем, кому сказанное не по нраву,
 Я тоже хочу пожелать «добра»,
 Пусть Тха и для них сделает все, о чем я прошу!
 О Аллах, дай ему в недобрый путь отправиться,
 Если отправится, пусть сдохнет его старая кляча,
 Если вернется, пусть свою старуху мертвой застанет.
 Сам он чтобы в Коширкое жил,
 Чтобы сопли из его носа текли,
 И курево всегда выпрашивал,
 И в шубе засохшей ходил,

Если выйдет [из дома], чтобы сорока с криком над ним кружила,
Если вернется [в дом], чтобы его жены на него покрикивали.
Чтобы из его одеяла клочьями шерсть торчала,
Чтобы его дети, мясо выпрашивая, бегали,
Чтобы две семьи имели один топор,
Чтобы три семьи только одно гумно имели,
Чтобы без гумна и без крова они жили,
Чтобы серп ему ножом служил,
Чтобы [этот] нож их ранил –
О Аллах, свою жизнь пусть так проживет!

*Беканов Гид Машевич, 1886 г.р.,
г. Чегем I, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. Пасп. № 24.

Ялыхь, екІэ мы гуфІэгъуэм иужь кѣихьэм
Гъэ-мэш ищІэну губгъуэм щихьэм дей
И хьэсэм и хьуреягъыр хьэкъыршыу,
И кур шыпсыранэу,
Зыригъэзыхмэ и нэм кыщІэуэу,
ХэІэбэмэ и Іэр кысу,
Дзыгъуэ тхыщІэр щІимыгъанэу,
Апхуэдэ гъэ бэв Алыхьым кыырит!
Ялыхь, екІэ абы яужь кѣихьэнум
Аргъуейр иІыу,
ЦІывыр и бешэууэ,
ЦІамырхъуейр и гуфэу,
Дзыгъуэ фийр и нэдыу
Ныкъуейр къепщэмэ,
Къуэм дидзэу,
Бещтор кыипщэу,
«Сыкѣыдидзыжыну пІэрэ жиІэу?»
Алыхьым кыигъанэ!
Ялыхь, екІэ абы и ужь кѣихьэм
УнитІым зы уэщу,
Унищым зы хьэму
Хьэмэшыншэу,
Хьэншэ унэу,
Мэрэмысэ бэщІу
ЩхьэлъащІэ фІейуэ,
А «хьейм» дэ дехъуэпсэнкѣым,
Алыхьым апхуэдэу кыигъанэ.
Ялыхь, екІэ абы и ужь кѣихьэнур
Абджым хуэдэу джафэу,
Фэндым хуэдэу гъэпщауэ,
Топым хуэдэу лъапэкІэ зэрахуэу,
Алыхьым апхуэдэу кыигъанэ!
Ялыхь, екІэ абы яужь кѣихьэнур
Тутын уэкъулэу,
Джэдыгу гъулэ гъурыу,
Уэрамым техьэмэ жиІэн игъуэтү,
И унэ къэкІуэлІэжмэ и шхын имыгъуэтү,

Гузавэрэ дапхэм дэІэбеймэ,
Нывэ хьурейр кьехуэхрэ
Ищхьэр кьызэгуйуду
Апхуэдэу Алыхьым кьигъанэ!

О Аллах,
Тот, кто против этого праздника зло затаил.
Если за урожаем проса в поле выйдет,
Пусть его надел весь в сурепках окажется,
В середине весь крапивой пусть зарастет,
Если [в поисках проса] наклонится, пусть
его глаза крапива повыкалывает,
Если дотронется, пусть руки его обожжет,
Чтобы [просо] даже спину мыши не покрывало,
Такой «урожайный» год Аллах ему да пошлет!
О Аллах, кто против этого [праздника] зло затаил.
Чтобы комары его заедали,
Чтобы жуки его тяглом были,
Чтобы борт его арбы был из сухих трав,
Чтобы в его пустом бурдюке мыши от голода «повесились» [пищали],
Чтобы если никой* подует,
Его в овраг швыряло,
Чтобы если бешто** подует,
В надежде, что он обратно вынесет, там оставался,
Аллах [его таким] навек да оставит!
О Аллах, кто против этого [праздника] зло затаил.
Пусть две семьи только с одним топором [останутся]
Пусть три семьи только с одним гумном [останутся]
Без хамеша***,
Без собаки [пусть останутся],
Мамалыгой одной пусть питаются,
Их женщины неряхами пусть будут,
Такому дерму мы завидовать не станем –
Пусть Аллах их такими [навек] оставит!
О Аллах, если со злом кто к нему пристанет,
Чтобы, словно стекло, гладким [нищим] был,
Чтобы, словно бурдюк, надутым был,
Чтобы, словно мяч, носками ног его гоняли, –
Таковыми Аллах пусть их оставит [навек]!

* Никой – непереводимое слово, образ слабого ветра.

** Бешто – северный ветер.

*** Хамеш – место хранения скошенных злаков.

О Аллах, если со злом кто против здравицы выступит,
Чтобы вечно табак клянчил,
Чтобы в засохшей с чужого плеча шубе ходил,
Чтобы, слоняясь по улице, находил что сказать,
А, вернувшись домой, еды для себя не находил,
Чтобы в поисках еды на полку руку совал,
Чтобы булыжник оттуда сваливался
И голову ему разбивал,
Аллах пусть таким его оставит!

*Темиров Х.Б., 1923 г.р.,
аул Хумара, Карачаево-Черкесия //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 30.

Ар зи жагъуэу
 ЕкIэ ди яужь къихъэм,
 Я пкIэунэм жумэрэнхэр щыуцу,
 Я хъэщIэщым дзыгъуэ щитI щыджэгуу,
 Я шхыIэныжъым бацэр къилэлү,
 Я сабийхэм «лал» жаIэу къажыхъу,
 Цамыхъийр я гуфэу,
 ГупхъэтIэкIуншэу,
 Гу лъэмыж къуаншэу,
 ЛитI зэушыу,
 Лищ зы хъэму,
 Я хъэмэш щэджыншэу,
 Хъэншэ унэу,
 Унэ пхашэу,
 Шхын щIэнэцIу,
 ЦIэм ихъуэкIуу,
 Фадэншэ Iэнэрэ,
 НафIэншэ жьэгуу,
 Мырамысэ бэщIрэ,
 УнэлъащIэ фIейуэ,
 ЗэхэуфIеяуэ
 Я дунейр яухь!

А у тех, кто, отвергнув наши пожелания,
 Зло против нас затаил,
 Чтобы на их чердаках хомяки рыскали,
 Чтобы в их кунацкой двести мышей носилось,
 Чтобы из ветхих одеял клочьями шерсть торчала,
 Чтобы дети у них, клянча кусочек мяса, бегали,
 Чтобы хрупким был каркас их арбы,
 Чтобы колеса арбы были без ступиц,
 Чтобы оси колес были кривыми,
 Чтобы на двух мужчин была одна лошадь,
 Чтобы на трех мужчин было одно гумно,
 Чтобы гумно это было пустым,
 Чтобы и собака не прижилась в их доме,
 В доме покосившемся,

С вечно голодными обитателями,
Вшами покрытыми,
С застольем без напитков,
С очагом без огня,
Со скудной пищей,
С перепачканной мебелью,
Грязными, замызганными,
Жизнь, отмеренную им, пусть закончат!

*Тутов Шеретлоко, 1886 г.р.,
сел. Малгобег, Моздокский р-н, Северная Осетия-Алания //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 27.

Дэ ди Тхьэу куэдыр зи гуащІэ,
 Ди хъуэхъур зи жагъуэм
 И уанэ пхэбжь кІыгъуу,
 Зы гужь кІыгъуу я пщІантІэ къыдэмыкІуу,
 Я пщІыхьэкІапэ дзыгъуалъуу,
 Хъэндыркъуалъэр яхъуэкІуу,
 ЗэхэзекІуэм я ауану,
 Я унапхэр къефыхауэ,
 Унэ бжыкъур хуэсэбафэу,
 Фэндыхъу гъурыр я чысэу,
 Я сэ[м]пІалъэр бэрэжьейуэ,
 Унэрыуэр я фызыжъу,
 Я лІыжъу цІыкІу жьэгъу дэмыкІуу,
 Унэ икІым хьэкІэ батэу,
 Сэджыт кыратым ар и Іусу,
 Я нысэжьым и щхьэр мыжъу,
 Бэрэжьей фочырэ
 Димычыхыу пІанкІэу,
 Зи кІэ фІейр я хъыджэбзу,
 И бзэр тІасхъуу,
 ПхъэнкІи[й] зехъуу,
 Іыхъуу кыратыри фІэмащІэу,
 ИщІэр фІэкуэду
 И дуне[й]р Тхьэм иригъэхъ!
 Дэ ди Тхьэу Тхьэшхуэ!
 Я шыгъуэгур джэдзыжъу,
 Я хъэмыжъу пабжьэу зэщІэкІэжу...
 Унэм кырашэм и уэншэкур
 Курых защІэу мэл кІэ Іулъуу,
 ЗыщІуплтыхъым и шхыІэн щІэлъыныншэу,
 Зэрызешэр я саби[й]рэ
 Саби[й]р лъамцІэу,
 Лъакъуэ цІыбэу,
 Ныбэ чейу[э],
 Удын зырадзу,
 Я дзэр зэрыІууду
 Я дуне[й]р Тхьэм яригъэхъ!

Наш Тха, всесильный Бог,
У тех, кому наша здравица не по нраву,
Чтобы его седло скрипело,
Чтобы ни одна скрипящая арба из их двора не выходила,
Чтобы под их карнизом бегали мыши,
Чтобы питались они травой пастушьей сумки,
Чтобы посмешищем у людей был,
Чтобы крыша их дома (насквозь) прогнила,
Чтобы балка дома была вся в пыли,
Чтобы с пустым бурдюком (ходили),
Чтобы их ножны были из бузины*,
Чтобы их старуха по домам бегала,
Чтобы их старик (дальше) очага не шел,
(Но) если выходит, чтоб свора собак за ним бегала,
Чтобы только закят был их пропитанием,
Чтобы у их невестки волосы были нечесаны,
Чтобы (был) с ружьем из бузины,
Чтобы тараторил без умолку,
Чтобы их девушки были с грязными подолами,
Чтобы язык не умел держать (за зубами),
Чтобы все, что ни делал, казалось ему бесконечным (делом).
Пусть Тха даст ему такую жизнь!
Наш Тха, великий Тха!
Чтобы задний их двор зарос шпинатом огородным,
Чтобы ток их зарос бурьяном...
Чтобы матрас их невестки
Внутри был набит овечьим пометом.
Чтобы, если внимательно посмотреть,
Одеяло их было без подкладки,
Чтобы дети их шатались без дела,
Чтобы дети были босыми,
Чтобы с тонкими и кривыми, как у барана, ногами были,
Чтобы с животом, подобным бочке,
Чтобы набрасывались друг на друга,
Чтобы повыбивали друг у друга зубы.
Пусть Тха сделает их жизнь такой!

*Этличев Магамет Жанхотович, 1890 г.р.,
аул Вакожиле, Карачаево-Черкесия //*
Архив КБИГИ. Ф 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 13.

* Словом *бэрэжьей* у адыгов обозначается бузина и одновременно один из дней недели – среда, которая по христианскому календарю считается неудачным для какого-либо начинания. Возможно, на этом строятся формулы, в которых все, что связано с бузиной, ассоциируется с неудачным исполнением действия.

«Нобэ мы къэралыгъуэр мыпхуэдэу мэпсоури,
Мыр лӀо мыпхуэдэу щӀэпсор?
Мыр дгъэпсэункъым!» – жиӀэу
Нобэ бий гуэр къытпыкъуэкӀыу щытмэ,
Ялэхь, нывашхъуэж[ь]кӀэ зигъэпскӀыу,
ЦӀепхъэжкӀэ зитхъунщӀу,
ГупэкӀэ зэлъу,
ЩӀыбкӀэ лъейуэ,
Гъибгъу зытекӀа шындырхъуоуэ
Алохъуу тэхъалам къыгъанэ!

«Эта страна сейчас так [хорошо] живет,
Почему ей так жить удается?
Не дадим (не позволим) ей благоденствовать!», – говоря,
Если сегодня какой-либо враг на нас пойдет,
О Аллах, дай ему серыми камнями купаясь,
Грубым, шершавым старым сукном обтираясь,
Прыгая вперед,
Тотчас назад отлетая,
Достигшей девятилетнего возраста ящерицей
Аллах всемогущий пусть его оставит!

*Тхапшоков Алий, 1900 г.р.,
аул Кургоковсий, Успенский район, Краснодарский край //*
Архив КЧИГИ. Ф. 4. Оп. 23. Ед. хр. 19. Пасп. № 2.

Дэ дызижагъуэм –

Фэнд гъурыр и чысэу,
 ВыкIэсейр и сампIэу,
 ЩIэкIым къанжэр къытекIакIэу,
 КъыщIыхъэжым и фызыжъыр къытекIиеу,
 Я шхыIэным бэцэжъ къилэлыу,
 Я сабийхэм «лал» жаIэу къажыхъыу,
 Зы хъэжъ яIэм мыбэнэфыу къижыхъыу,
 ХъэIусыпхъэр я Iусырэ
 Зы нысащIи къамышэфыу
 Куэдрэ Тхъэм игъэпсоу!

Ар хуэмэщIэIуэм –

И IурыкIым ер тету,
 Тутын кIэпафэу,
 И фэр пыкIауэ къиджэдыхъыу,
 И вакъэр хуэзэвыу,
 И гъавэр хуэмащIэу
 И дунейр Тхъэм иригъэхь!

Тому, кто настроен к нам враждебно –

Чтобы кисетом был ему высохший бурдюк,
 Чтобы из кукурузных волос были ножны его кинжала,
 Когда выйдет из дома, чтобы сорока с криком над его головой кружила,
 Когда вернется домой, чтобы жена на него с криком бросалась,
 Чтобы из их одеял клочьями шерсть торчала,
 Чтобы их дети бегали с криком «Мяса хочу».
 Чтобы у их старой собаки не было сил, чтобы лаять,
 Чтобы их пищей был собачий корм,
 Чтобы не могли привести в дом хоть одну невестку,
 Так ему Тха пусть даст долго жить!

Если это ему мало покажется, то

Чтобы каждое слово его [бессильной] злобой дышало,
 Чтобы остатки табака выкуривал,
 Чтобы поблекший и сникший бесцельно бродил,
 Чтобы обувь его ему была тесной,

Чтобы урожай его был для него мал,
Так Тха пусть даст прожить ему всю свою жизнь!

*Иванов Хажмурат, 1906 г.р.,
г. Нальчик, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 4.

Ахэр зымыдэу,
 ЕкIэ сиужь к'ыхьэрэм,
 ЫтхыцIэкIэ зекIоу,
 ЫнэгукIэ залъэу,
 ЗыIуплъэрэр ыгъаштэу,
 ЕтIэгъо ныбэу,
 Шхэгъорыбэгэу,
 Шпорэир ылъакъоу,
 КIэмышкъэир ыкопкъэу
 IабылъэбрыкIоу,
 ЗэлъымыкIожьэу,
 ЯIэлахь, о шIы!

Тот, кто, не соглашаясь с моими словами,
 Со злым умыслом меня преследует,
 На спине ползущим,
 С лицом, испещренным морщинами,
 Пугающим одним своим видом,
 С животом, набитым желтой глиной,
 От [такой] еды распухшим,
 С ногами из стебля конского щавеля,
 С бедрами из высохших стеблей конопли,
 На четвереньках ходящим,
 Несуразным, зачуханым,
 О Аллах, прошу тебя сделать!

*Мастафов Калашау,
 аул Джеракай, Адыгея //*
Архив АРИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 43. Пасп. № 202.

№ 13

Ди жагъуэгъур
Къуей-щӀей мэшым худэу гъэбагъуэ,
ЩӀы дзыгъуэм хуэдэу гъэджэгу,
И жьыщхъэ джэгупӀэ щӀыж.
Я уэншоку щхъэнтэм бацэр къилъэлъу,
Я сабийхэм лал жаӀэу къажыхъу,
Я Алыхъ ари къэгъанэ!

Нашим недругам,
Как сорнякам, вставшим стеной, дай размножиться,
Как сусликам, дай порезвиться,
А к старости сделай их посмешищем для людей.
Чтобы из их матрацев и подушек шерсть торчала,
Чтобы их дети, мясо выпрашивая, бегали,
О Аллах их тоже такими оставь!

*Шогенцуков Мухамедмирза,
г. Баксан, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 19.

Ахэр зымыдэу
 ЕкІэ си ужь кѣихъэныр
 ТхыцІэкІэ зекІуэу,
 И нэкІу зэлъауэ,
 ЗыІуплѣэр игъащтэу,
 ЯтІэгъуэ ныбэу,
 Хъэмджэду ущхъэу,
 Къещхъ щымыІэу...
 ТхъэкІумэкІыхъ лъакъуэу,
 Къэмшыкѣер и куэпІкыу,
 ІэблэмбырыкІуэу
 ЗыдэкІуэн икуэду,
 ЗыдэкІуэм нэмысу,
 И гур пхъэуэ,
 И лъэр пхъэм дэнауэ,
 Ялыхъ, уэ щІы!

Тот, кто, не одобряя мои слова,
 Со злым умыслом сел мне на хвост,
 На спине [на позвоночнике]ползущим,
 С лицом, испещренным морщинами,
 Пугающим одним своим видом,
 С животом, набитым желтой глиной,
 С головой не то собаки, не то кота,
 На человека не похожим...
 С заячьими ногами,
 С бедрами из стеблей высохшей конопли,
 На четвереньках ходящим,
 Чтобы дел у него было по горло,
 Но ни одно не смог исполнить,
 Чтобы душа была полна желаний,
 Но тело оставалось скованным,
 О Аллах, прошу тебя таким его сделать!

*Товатов Камбулат Батырбекович, 1868 г.р.,
 хут. Авалово, Ставрольский край //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1 б. Пасп. № 18.

Ар зи жагъуэм,
Кхъуэр игэхъуу,
Хьэхъур и фызу,
Къэзмакъ банэр и Iусу,
Шыпсыранэр и тIысыпIэу,
Ялыхь,
Ари гъэ минкIэ гъэпсэу!

Тот, кому сказанное не по душе,
Чтобы свинопасом был,
Чтобы жена у него была как собака,
Чтобы пищей ему были колючки облепихи,
Чтобы сиденьем ему была крапива,
О Аллах,
Так дай и ему жить [вместе с нами] тысячу лет.

*Кабардов Мурадин Фаблович, 1887 г.р.,
сел. Дугублугей, Кабардино-Балкария.*

Ар зи жагъуэр:
 Щымахуэм джэдыгуншэу,
 Гъэмахуэм ишхын имыгъуэтү,
 И гъунэгъу кырит и Iусу,
 Хьэдэ Iусым щIэнэцIу,
 Сабий иIэм хуэпцIанэу,
 «Цырмагууши» хужаIэу,
 ЖаIэ псори щхъэжэ щыхъуу,
 Хъуэхъу и щыщи хуамыIуатэу,
 ИрамыIуэталIэр псалгъэ щэхуу,
 Хунтхум хуэдэу ар щхъэ цIакIэу,
 ИкIагъэ псомкIи я ауану,
 Унэу зэрыхъэм я хьэр кыраушту,
 Тутын кIэпэфу,
 Фэндыхъ гъур нэкIуу,
 И зекIуэкIэр лъэбыкъэу,
 Джэдыр къакъэм зиудэу,
 Удын бзаджэр ирадзу,
 И дзэр лъейуэ Iуауду.
 Дыгъуэн щхъэкIэ лъэмыкIыу,
 Къуажэм икIэр и унапIэу,
 Инэр унIэрапIэу нэцIэрейуэ,
 Урам дыхъэм хъэ бэгужъу,
 Жьэгужъ гъуанэм къимыкIыу,
 И дунейр тхъэм иригъэхъ!

Тот, кому сказанное не по нраву,
 Чтобы оставался зимой без тулупа,
 Чтобы летом оставался голодным, без урожая,
 Чтобы пищей ему были подачки соседей,
 Чтобы в надежде на поминальную пищу жил,
 Чтобы дети у него были раздетыми,
 Чтобы лоботрясом прослыл,
 Чтобы обижался и злился по каждому поводу,
 Чтобы добрым словом никто о нем не обмолвился,
 Чтобы никто не доверял ему своих тайн,
 Чтобы голова была коростой покрыта, словно просяной шелухой,

Чтобы все самое скверное с его именем связано было,
Чтобы в каждом дворе собак на него спускали,
Чтобы курил, собирая окурки,
Чтобы лицо у него было морщинистое, как высохший бурдюк,
Чтобы походка его была неровной,
Чтобы, услышав кудахтанье кур, вздрагивал,
Чтобы постоянно его избивали,
Чтобы выбитые зубы разлетались,
Чтобы не в силах был даже украсть что-либо,
Чтобы местом его дома была самая плохая часть села,
Чтобы завидующими глазами хлопал и озирался,
Чтобы на улице как от паршивого пса от него шарахались,
Отвергнутый всеми, не вылезая из очажной дыры,
Дни свои Тха пусть даст ему так прожить!

*Семенов Лаби, 1924 г.р.,
сел. Ст. Черек, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.

Ар зи жагъуэм:
 КъыщІэкІым къанжэр къытекІакІэу,
 ЩІыхъэжмэ и фызыр къытекІиеу,
 Уэншоку щхъэнтэжь тІэкІу яІэмэ,
 Бацэр къилэлэу,
 Сабий цІыкІу яІэмэ,
 Лал жаІэу къажыхъу,
 Езым кхъуэр игъэхъуу,
 Хъэхъур и фызу,
 Къэзмакътыр и Іусу,
 Шэпсыранэр и тІысыпІэу,
 КІапсэ лэрыгъуу,
 Емыгугъужу,
 ПщампІэ шэхудэу,
 И дуней Іыхъэр ирегъэхъэлІэ.

Чтобы тот, кому это не по нраву,
 Если выйдет во двор, сорока с криком над ним кружила,
 Если вернется в дом, жена поедом ела,
 Чтобы из их матрацев и подушек, если они у них есть,
 От ветхости шерсть торчала,
 Чтобы их дети, если они у них есть,
 Клянча кусочек мяса, бегали,
 Чтобы сам он пас свиней,
 А жена у него как собака злая была,
 Чтобы колючки облепили были ему едой,
 Чтобы сиденьем ему была крапива,
 Чтобы покрытый мозолями,
 Опустившись,
 С засаленным воротником,
 Время, отпущенное ему на этом свете, прожил.

*Ехтанигов Азрет Нашевич, 1847 г.р.,
 сел. Кишнек, Кабардино-Балкария //*
Архив КБИГИ. Ед. хр. 1. Пасп. № 27.

А хъуэхъур зи жагъуэм
 Егъажыи и шыр гъалІэ,
 Къыгъээзэжым и фызыр лІауэ къыхуэгъээзэж,
 Бжыхъыжъ игъэщІыщІу,
 Фызыжъ игъэщІейуэ,
 Я сабий цІыкІухэр лъакъуэ цІыбэу,
 Ныбэ чейуэ,
 Я пэшынхэр къилэлү,
 «Лал» жыІэу къажыхъу,
 УнитІ зы уэщү,
 Униц зы хъэмү,
 Хъэмыншэ хъэншэ унэу,
 Ялыхъ, дунейр егъэхъ!
 Бэв къептынум,
 И гъунитІыр хъэкъыршу,
 И кур шапсыранэ дэгүү...
 Апхуэдэ бэви къет!

А у того, кому этот тост не по душе,
 Пусть в дороге умрет конь,
 Приехав домой, пусть застанет жену мертвой,
 Чтобы ломал ветхие плетни,
 Чтобы опрокидывал старуху [свою],
 Чтобы их дети были тонконогими,
 Толстобрюхими,
 Сопливыми,
 Чтобы, мяса выпрашивая, бегали,
 Чтобы на две семьи был один топор,
 Чтобы на три семьи – один амбар,
 Чтобы его дом был без амбара, без собаки,
 Пусть, Аллах, так он проживет!
 Урожай, что ты дашь ему,
 Сорной травой по бокам,
 Крапивой глухой посередине [да зарастет],
 Такой урожай богатый ему дай!

*Сонов Мухаммед Хажмурзович, 1913 г.р., сел. Каменомостское,
 Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ед. хр. 1. Пасп. № 17.*

Мыбдежым зэхэс зэныбжьэггүхэм
 Лъагъуныгъэу зэхудиIэр зи жагъуэ щыIэ хъунщ,
 Мыбдежми къытхэсынкIэ мэхъу,
 IупэкIэ къытхуэкъабзэу,
 ГукIэ къытхуэбзэджэу,
 Ахэри ди хъуэхъум хэднынкъым.
 Хъуэхъуу абыхэм етпэсынури
 Тхъэм ялгыгъэс мыпхуэдэу:
 Е щэхуу,
 Е нахуэу ди бийм
 Ди пыдзахуэ,
 Ди щIакIэ зэщIикъуэрэ
 Ар кIэдахъуэкIэ нихъэсу,
 И сабийм IэщIилъхъэу,
 Бгъурилъхъэни имыIэу,
 Унэжь иIэрэ къиуауэ,
 И уэршокур чэтхъарэ
 Хъэ кIэтIийр къилэлэу,
 Хъэблэм хэтыр и фызу,
 ХузэщIэмыкъуэр и быну,
 И бын къомыр зэщыджэу,
 Зэрыбыну ныбаджэу,
 Хэт и къуащIэр къиIыгъыу,
 Хэт и гъуапэр пишауэ,
 Я пэшыныр къилэлэу,
 Къуалэм ещхъу нэцIакIуэу,
 Насып мащIэу,
 ГъащIэ кIыхъу
 Тхъэм куэдрэ игъэпсэу!
 Аращ, ди щхъэр зи жагъуэм
 Хъуэхъуу худиIэр!

Сидящих здесь, [за этим столом], друзей
 Наша любовь друг к другу
 Быть может кому-либо не по нраву,
 И даже здесь, [за этим столом], быть может, с нами сидят
 Добрые к нам на язык,

Зло затаившие в сердце,
Так не станем и их исключать из нашего хоха,
Хохи (добрые пожелания), которыми мы их удостоим,
Тха для них да исполнит следующим образом:
Или тайный,
Или явный наш недруг
Чтобы наши отходы
И нашу лузгу собирал
[И] в подоле уносил,
Чтобы ими своих детей кормил,
Чтобы нечего было ему добавить к этому корму,
Чтобы [крыша] его старого дома провалилась,
Чтобы его матрас была разодранным,
Чтобы оттуда шерсть вываливалась, как у собаки кишки,
Чтобы его жена бегала по чужим домам,
Чтобы детей своих не могла она собрать,
Чтобы потомство ее навзрыд плакало,
Чтобы одни держались за подол ее юбки,
Чтобы другие тянули за ее рукав,
Чтобы сопли у них текли,
Чтобы, подобно воронам, жадно озирались,
Чтобы счастье у них было малым,
А жизнь длинной,
Дай Бог им долго так жить!
Таковы обращенные к тем, кому мы не по душе,
Наши для них пожелания!

*Адыгэ Гуэрыуатэхэр.
(Адыгский фольклор).
Налишук, 1963. Т. 1. С. 58–59.*

Список информантов

1. Беканов Гид Машевич, 1886 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1. Пасп. № 24.
2. Дышеков Якуб Псабидович, 1881 г.р., аул Зеюко, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 10.
3. Ехтанигов Азрет Нашевич, 1847 г.р., сел. Кишпек, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ед. хр. 1. Пасп. № 27.
4. Иванов Хажмурат, 1906 г.р., г. Нальчик. Кабардино-Балкария. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 4.
5. Иванов Хусейн Ельмурзович, 1914 г.р., сел. Ст. Черек. Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.
6. Кабардов Мурадин Фаблович, 1887 г.р., сел. Дутублугей, Кабардино-Балкария.
7. Кип Махмуд, 1930 г.р., г. Узун-Яйла, Иордания.
8. Кobleва Кадырхан Кечевна, 1928 г.р., аул 2 Красноалександровский, Лазаревский р-он, Краснодарский край.
9. Кясова Унат Абубовна, 1906 г.р., г. Чегем I, Кабардино-Балкария // Фоноархив КБИГИ. Пор. № 279. Инв № 704-ф/1.
10. Маремуков Харун Битокович, 1879 г.р., аул Инджиджишхо, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 14.
11. Мастафов Калашау, аул Джеракай, Адыгея // Архив АРИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 43. Пасп. № 202.
12. Мастафов Калашау, аул Джеракай, Адыгея // Архив АРИГИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 43. Пасп. № 202.
13. Семенов Лаби, 1924 г.р., сел. Старый Черек, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 1.
14. Сонов Мухамед Хажмурзович, 1913 г.р., сел. Каменомостское, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ед. хр. 1. Пасп. № 17.
15. Табишева Мачехан Аюбовна, 1934 г.р., сел. Заюково, Кабардино-Балкария.
16. Тамбиев Хаблаца Нухович, 1870 г.р., сел. Кахун, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Пасп. № 14.
17. Таов Бахситджарий, 1882 г.р., сел. Малка, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 2.

18. Темиров Х.Б., 1923 г.р., аул Хумара, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 30.
19. Товатов Камбулат Батырбекович, 1868 г.р., хут. Авалово, Ставропольский край // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 18.
20. Тутов Шеретлуко, 1886 г.р., сел. Малгобек, Северная Осетия-Алания // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 27.
21. Тхапшоков Алий, 1900 г.р., аул Кургоковсий, Успенский район, Краснодарский край // Архив КЧИГИ. Ф. 4. Оп. 23. Ед. хр. 19. Пасп. № 2. Ед. хр. 1. Пасп. № 18.
22. Хасанов Камбот Салихович, 1866 г.р., сел. Псыгансу, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1.
23. Шогенцуков Мухамедмирза, г. Баксан, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 19.
24. Этлигов Магомет Жанхотович, 1890 г.р., аул Вакожиле, Карачаево-Черкесия // Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16. Пасп. № 13.

Библиография

1. *Адыгэ ИуэрыИуатэхэр*. (Адыгский фольклор). Налшык, 1963. Т. 1.
2. *Адыгэ хъуэхъухэр* (Адыгские здравицы). Налчык, 1985.
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика и поэтика. М., 1989.
4. *Барт Р.* Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
5. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 303.
6. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Налчык, 1999.
7. *Бгажноков Б.Х.* Семиотика тостовых проклятий // Вестник КБИГИ. Вып. 16.
8. *Бгажноков Б.Х.* Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Советская этнография. М., 1987. № 2.
9. *Борев Ю.* Эстетика. М., 2005.
10. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923.
11. *Бычков В.В.* Эстетика. М., 2009.
12. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
13. *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.
14. *Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии.* Минск, 1993.
15. *Гадамер Х.Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
16. *Гаспаров М.Л.* Анадиплосис. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
17. *Гегель.* Феноменология духа // Гегель. Собр. соч. М., 1959. Т. 4.
18. *Григорьев В.П.* Поэтика слова. М., 1979.
19. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
20. *Интерриано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. Налчык, 1974.
21. *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8.
22. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.

23. *Кант И.* Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 6 томах. М., 1965. Т. 1. Ч. 2.
24. *Кант И.* Собрание соч. М., 1940. Т. 2.
25. *Кешиев А.* Избранные произведения. Нальчик, 1976. С. 195.
26. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985.
27. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
28. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.
29. *Махвич-Мицкевич А.* Абадзехи // Народная беседа. 1864.
30. *Мижаев М.И.* Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973.
31. *Нало З.* Лъабжьэмрэ щхьэкIэмрэ (Корни и ветви). Литературно-критические статьи. Нальчик, 1992.
32. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов (Смех Шугиба Выкова). Нальчик, 1985.
33. *Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1990.
34. *Пицыбий И.* Адыгэ IуэрыIуатэ (Адыгское устное народное творчество). Налшык, 1998.
35. *Пицыгъуэтыж А.З.* Адыгэ усэ гъэпсыкIэ (О кабардинском стихосложении). Нальчик, 1981.
36. *Ричардс А.А.* Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
37. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М., 1997. С. 96.
38. *Табишев М.А.* Исполнительская традиция адыгских хохов // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Майкоп, 2008.
39. *Табишев М.А.* Проклятия как малый жанр адыгского фольклора // Псалъ (Слово). Майкоп, 2007. № 4 (7).
40. *Топоров В.Н.* Индоевропейские заговоры и их реконструкции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. М., 1993.
41. *Фрейд З.* «Я» и «ОНО». Тбилиси, 1991.
42. *Фрейдсберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.
43. *Цейтлин Б.М.* Зиждительное слово Книги Иова // Человек. 2010. № 4.
44. *Цицерон.* О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 1975.
45. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
46. *Чуковский К.* Нат Пинкертон // Собр. соч. М., 1969. Т. 6.
47. *Шеек Г.* Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.
48. *Шестаков В.П.* Эстетические категории. Опыт системного и исторического исследования. М., 1983.

Список сокращений

АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.

АРИГИ – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

КЧИГИ – Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

1. Единство серьезного и смешного в адыгских тостах	3
2. Многозначность и необходимость факторного анализа застольных проклятий	5
3. Проблема комплексного исследования адыгских тостов	6

Глава 1.

ТОСТЫ КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ

1. Здравница и «брань» в композиционной схеме адыгских тостов	11
2. Архитектоническая форма и литературный этикет застольной брани	16
3. Единство формально-поэтического строя застольных здравниц и проклятий	20

Глава 2.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАСТОЛЬНЫХ ПРОКЛЯТИЙ

1. Светлая аура застольных проклятий	25
2. Пафос и логос застольной брани	27
3. Сверхзадача застольных проклятий	32

Глава 3.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ САКРАЛЬНОГО И ПРОФАННОГО

1. Мистификация борьбы со злом	35
2. Фигура завистника	37
3. Образ автора застольной брани	39
4. Охранительная функция проклятий	40
5. Развенчания зависти и зла. Гротескный реализм	41

Глава 4.

ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЗАСТОЛЬНЫХ ПРОКЛЯТИЙ

1. Системное отрицание зависти и зла	47
2. Инвентаризация последствий зависти и неотвратимость наказания	50

Глава 5.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1. Искусство слова и смеха	56
2. Комическая условность сюжета. Эстетизм	58
3. Стилистическая симметрия. Вербальное подмигивание	60
4. Ассоциации по контрасту. Семантическая асимметрия	63
5. Гротескно-комическое изображение зависти	68
6. Скрытая самокритика и самоирония	70
 УКРОЩЕНИЕ ЗАВИСТИ (Послесловие)	 73
 ПРИЛОЖЕНИЕ	 77
 СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	 111
 БИБЛИОГРАФИЯ	 113
 СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	 115

Научное издание

Б.Х. Бгажноков

ОТРИЦАНИЕ ЗЛА

в адыгских тостах

Зав. издательским отделом *К.М. Хахова*
Художественное оформление *З.Х. Бгажнокова*
Компьютерная верстка *А.Х. Абазова*
Корректоры *Ф.Т. Узденова, Л.Б. Хавжокова*

ISBN 978-5-91766-027-1

9 785917 660271

Подписано в печать 21.10.2010.
Формат 168x245. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. (1-завод 400). Заказ № 37.

Издательский отдел КБИГИ

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел.: (8662) 42-34-50
Факс: (8662) 42-47-78
e-mail: kbigi@mail.ru